

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Визит с того света

11

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

**Визит с того света, или
Деньги решают не все**

«Марина Крамер»

2012

Крамер М.

Визит с того света, или Деньги решают не все / М. Крамер —
«Марина Крамер», 2012 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-58009-5

Марина Коваль снова в родном городе, снова новый липовый паспорт в кармане, снова нужно прятаться от доблестных сотрудников полиции. Только на дворе уже не лихие и бурные девяностые, а вполне цивилизованные и дипломатичные двухтысячные — теперь законы преступного бизнеса стали мягче и терпимее. Но нисколько не изменились знакомые из прошлой жизни Железной Коваль. Приревновав к Марине, любовница и фаворитка криминального авторитета Миши Ворона, Ксения чуть было не угробила и Марину и ее мужа Женю Хохла, только ради того, чтобы поставить себе штамп в паспорте. А потом Ксения еще и заказала киллеру своего благоверного Ворона. Красотка решила чуток припугнуть возлюбленного, но никак не ожидала, что нарвется на Марину, которая всегда готова наказать тех, кто пытается причинить боль ее близким людям.

ISBN 978-5-699-58009-5

© Крамер М., 2012
© Марина Крамер, 2012

Содержание

Бристоль	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Марина Крамер

Визит с того света

Черная вдова Марина Коваль #11

– Мне нужна помощь...

Человек поправил начавшую изрядно сесть шевелюру, прошелся по кабинету, заложив руки за спину по старой привычке, приобретенной в местах, куда законопослушные граждане не попадают, и остановился прямо перед большой картиной. Изображенная на ней брюнетка с длинными волосами и зажатый в зубах за дужку старым ржавым амбарным замком чем-то неуловимо напоминала ему одну знакомую. Такой он знал ее все годы – дерзкой, непокорной, красивой. Такой – с испачканным своей или чужой кровью лицом – он неоднократно видел ее. И только эта женщина могла сейчас дать ему дельный совет и подсказать направление, в котором двигаться. Несмотря на молодой возраст, она была куда хитрее и изворотливее многих, в том числе и его самого, и Ворон – под этим именем знали этого человека в городе – не мог не признавать этого.

Разговор о помощи он вел сам с собой в полумраке огромного кабинета в ночном клубе «Матросская тишина», и даже охране не позволено было вмешиваться. Ворон попал в довольно затруднительную ситуацию, выхода из которой не видел или просто пока не мог нащупать, и это страшно раздражало и выводило из себя. Необходимость же обращаться за помощью к старой знакомой просто убивала – он, взрослый, солидный, уважаемый человек, вынужден идти на поклон мало что к бабе, так еще и моложе его. Это означало признать свою несостоятельность – в который уже раз!

Но выхода не было. Если протянуть время и продолжать лелеять собственную гордость, то вполне вероятно, что окажешься, гордый, и в могиле. А там все равно – на какой бок у тебя сдвинулась воображаемая корона. Неважно это – в гробу-то.

Бристоль

Машина «неотложки» только что отъехала от дома, и Мэриэнн наконец позволила себе расплакаться, осев по дверному косяку прямо на крыльцо. Все время, пока бригада медиков оказывала помощь мужу и грузила его на каталку, она держалась, но теперь силы оставили ее.

Утро не предвещало ничего плохого – в кои-то веки показалось бледное солнце, они с Джеком уже планировали, как заберут из школы Грега и вместе отправятся в парк прогуляться, и вдруг он, как-то странно закатив глаза, рухнул на пол, хватаясь за сердце. Она даже не сразу поняла, что произошло – муж иногда любил вот так пошутить, но сейчас с ним явно что-то произошло.

– Джек... Джек, что с тобой? – Она опустилась на колени и приложила ухо к его груди – сердце не билось.

Она метнулась к телефону, быстро набрала номер и продиктовала адрес. Вернувшись к мужу, разодрала майку на его груди и принялась за непрямой массаж и искусственное дыхание. В одиночку делать это было тяжело, но выхода не было. Через какое-то время она почувствовала, что сердце вновь забилось, перевела дыхание и услышала звонок внизу – это приехали медики.

– Инфаркт, – констатировал высокий худой мужчина, когда после всех мероприятий им удалось стабилизировать состояние. – Вашему мужу необходима госпитализация.

– Я понимаю. Могу я поехать с вами?

– В этом нет нужды, мэм, он в надежных руках. Но вы сможете получить более подробную информацию чуть позже, в кардиологическом центре университетской клиники.

– Спасибо...

Прорывавшись на крыльце, она с трудом поднялась и вошла в дом. Планы рухнули, но не это самое страшное. Это уже не первый инфаркт у мужа, ситуация угрожающая. Она всерьез испугалась, что может остаться одна.

От горестных раздумий ее оторвал звонок мобильного. Едва взглянув на дисплей, Мэриэнн решила не брать трубку. Разговор с любовником сейчас вообще был не к месту. Но настойчивый Стивен продолжал трезвонить, и она была вынуждена ответить.

– Мэриэнн, что-то случилось? Ты не можешь разговаривать? – Голос в трубке звучал обеспокоенно, но ее это беспокойство только раздражало сейчас.

– Это не твое дело.

– Я не вовремя?

«Чтоб ты провалился, идиот! – по-русски подумала она про себя. – Какого черта ты звонишь именно теперь, когда мне вообще не до кого?»

– Стивен, я не настроена сейчас беседовать. И вечером мы не увидимся.

– Почему?

– Потому что мой муж в больнице с инфарктом! – рявкнула она и отключила телефон.

Эта связь перестала быть необременительной и легкой, и Мэриэнн чувствовала, что пора заканчивать. Возможно, небо послало ей сердечный приступ мужа как предлог, чтобы избавиться наконец от Стивена. Не совсем порядочно, зато не придется ничего объяснять.

Нужно было собираться и ехать в университетскую клинику, чтобы быть хотя бы неподалеку от Джека. От Женьки, от родного и любимого Хохла...

Она уже привычно выговаривала иностранное имя мужа, практически не запинаясь и не сбиваясь с интонации, и только наедине, редко, но все-таки произносила его настоящее имя. Прошлое не отпускало, но Марина – она же Мэриэнн – и не сопротивлялась, словно боясь забыть все, что было там, в той жизни, когда ее еще звали Мариной Коваль, а ее мужа –

Евгением Влащенко, а большинство людей знало их исключительно по кличкам – Наковальня и Хохол. Это было так давно...

И вот уже несколько лет они ведут тихую семейную жизнь в Бристоле, занимаются ресторанным бизнесом и воспитывают сына – маленького Грегори. Ребенок первого мужа Марины не знал своего прошлого, как не знал и того, что красивая блондинка с идеальным лицом – не мать ему. Марина с трудом пережила момент, когда сын обнаружил в столе свое свидетельство о рождении, в котором четко прочитал имя родного отца, не совпадавшее с именем Хохла. Выписывая его уже после гибели первого мужа, Егора Малышева, Коваль просто не догадалась не вписывать его в свидетельство, не подумала, что это решило бы многие проблемы потом... Ей хотелось, чтобы погибший Егор Малышев остался с ней хотя бы вот так – в документах мальчика, которого не она ему выносила и родила. И теперь, после всего, она ужасно боялась, что Грегори узнает об этом. Она видела, как мальчик изводит Женьку придирками, как по любому поводу старается уколоть его, несмотря на строжайший запрет матери. По-детски хитрый, Грегори делал это в те моменты, когда Марины не было рядом, а Хохол не мог противостоять ему. Мальчик всячески демонстрировал ему свое пренебрежение, разговаривал только на английском, которого Женька не понимал, и только Марина могла с этим справиться. При ней Грегори вел себя примерно, называл Женьку папой, с удовольствием проводил с ним время, играл, мыл машину. Но стоило Хохлу попробовать как-то повлиять на него, повысить голос – и все, в Грегори просыпался настоящий бес и во всей красе демонстрировал дурной нрав. Хохол не жаловался жене, понимая, что это недостойно – не суметь справиться с десятилетним мальчишкой. За него это регулярно делали другие – однорукий охранник Гена, подруга Марины Маша, приезжавшая иногда в гости, и тогда Коваль, приперев сына к стенке фактами, вела с ним жесткие беседы, наказывала полным игнором. Грегори притихал, извинялся – но только до следующего раза.

Сегодня, после того как Женьку увезли в больницу, Марина почувствовала – начинается какой-то иной этап в жизни, нужно поменять что-то. И начать стоит с Грега.

Она решила, что не поедет в больницу одна, а заберет из школы сына и возьмет с собой. Вид больничной палаты должен повлиять на мальчика, она была уверена в этом.

Грегори вприпрыжку сбежал с крыльца и понесся к забору, за которым сразу заметил «Мерседес Гелендваген» матери. Она сама курила, облокотившись на капот. Мальчик очень гордился матерью – она была самой молодой среди мамочек его одноклассников, самой красивой. Никто, кроме нее, не мог себе позволить так ярко краситься и так дорого и модно одеваться – будучи наблюдательным, Грег хорошо это понимал. Сейчас мать стояла в кожаных брюках, короткой куртке, отороченной белым мехом по капюшону и рукавам, рука в тонкой перчатке держала на отлете сигарету. Но лицо... лицо его насторожило. Мама никогда не поехала бы за ним, не сделав макияж, а сейчас ее лицо было совершенно белым, бескровным. Это озадачило и испугало Грегори. Выбежав за ворота, он на ходу спросил:

– Мама, что-то случилось?

Она выбросила сигарету в урну и, обняв подбежавшего сына, проговорила:

– Мне надо серьезно поговорить с тобой, Грегори. Садись в машину.

Он привычно закинул рюкзак с книгами на заднее сиденье, забрался туда же и затих, предчувствуя что-то нехорошее.

Марина села за руль, завела двигатель и сказала:

– Мы сейчас поедem в ресторан, пообедаем и поговорим, а потом ты решишь, как будешь жить дальше. Нам нужно еще в одно место.

Грегори совсем затих. Что-то в тоне матери заставило его задуматься – она редко бывала такой с ним.

До самого ресторана они ехали молча. Марина крепко сжимала руль и всматривалась в почти пустую дорогу, Грегори забился в угол и пытался угадать, о чем хочет поговорить с ним мама. В дверях ресторана их встретил мэтр, услужливо принял куртку Марины и пуховичок Грега, проводил до столика в отдельном кабинете, где предпочитала обедать хозяйка.

– Сейчас Джинни подаст ваш заказ, миссис Мэриэнн. Тони постарался угодить молодому человеку, – почтительно проговорил мэтр, но Марина только отмахнулась:

– Ради бога, Фил, оставьте ваши расшаркивания для клиентов. И пусть Джинни поторопится – мне некогда.

Мэтр испарился, Марина вынула сигареты и зажигалку, закурила и в упор уставилась на сидевшего напротив сына.

– Что? – пожившись, спросил Грег, не выдержав молчаливого взгляда матери.

– Да вот смотрю на тебя и думаю. Вроде ты взрослый у меня совсем, но каких-то вещей до сих пор не уяснил. Или просто я не могу тебе их донести так, как следует? – задумчиво спросила она, выпуская дым.

– В каком смысле? – Грегу стало совсем не по себе.

– А в прямом, сынок. Вот скажи – ты по-прежнему считаешь, что твои разговоры с отцом и твое поведение достойны настоящего мужчины?

Фраза «настоящий мужчина» была для Грега определяющей. С раннего детства он старался соответствовать образу «настоящего», потому что чувствовал – его мать для общения выбирает только таких.

– Н-не знаю, – с запинкой произнес он, стараясь смотреть ей в глаза, хотя это давалось ему с огромным трудом. Но это не было так уж удивительно – даже взрослые мужчины не могли долго выносить Мариногого взгляда, даже Хохол, знавший ее лучше других, и то отводил глаза – куда уж десятилетнему мальчику.

– А я вот считаю, что ты в последнее время совершенно не контролируешь то, что говоришь и делаешь. И только ты один этого не видишь, а другие – видят и говорят мне.

– Дядя Гена наябедничал? – мрачно поинтересовался Грег, вспомнивший разговор с охранником, состоявшийся у него во время последней Мариной отлучки.

– Что значит – наябедничал? Ввел в курс дела, – с усмешкой поправила Марина. – Ты не умеешь держать слово, Грег, и это меня огорчает и пугает. Я никогда – слышишь, никогда, не нарушала своих обещаний. И ты не должен делать этого. Ты сотни раз давал мне слово, что перестанешь относиться к отцу высокомерно и по-хамски, и что? Стоило мне уехать – ситуация повторилась. И Гена стал свидетелем. Не стыдно?

Грег заморгал, стараясь не выпустить наружу непрошеные слезы. Его спасло от неминуемого позора с плачем появление официантки, внесшей поднос с горшочками и тарелками.

– Спасибо, Джинни, – проговорила Марина, наблюдая за тем, как девушка ловко расставляет посуду на столике.

– Приятного аппетита, миссис Мэриэнн, – прошептала официантка и улыбнулась Грегори: – И вам, молодой человек, тоже. Тони приготовил прекрасный десерт – такой, как вы любите.

– Спасибо, – звенящим от сдерживаемых слез голосом ответил Грегори, старательно растягивая в улыбке неслушающиеся губы.

Джинни вышла, закрыв за собой дверь, а Марина продолжила:

– Я не услышала ответа. Он будет – или мне подождать, пока остынет борщ?

– Я не хочу, чтобы ты с ним жила! – вдруг выпалил Грегори и на секунду даже испугался собственной смелости. – Не хочу, чтобы он был в нашем доме!

Марина помолчала, изучающе глядя на сына. «Характер попер, – думала она с интересом. – Только вот чей – Егора или мой? Малыш тоже умел железом бряцать, когда было нужно, даже меня ухитрялся иногда на место поставить. Плохо дело... Могу не справиться».

– Отлично, я тебя услышала, – приняв решение, выговорила она четко. – Обедай, у нас еще есть дело.

Больше за весь обед она не проронила ни звука, терпеливо пила кофе и курила, пока Грег справлялся с огромным десертом из печеных груш, взбитых сливок и клубники.

– Передайте Тони, что все было прекрасно, – бросила она официантке, вошедшей в кабинет по звонку. – Едем, Грегори.

В молчании они доехали до университетской клиники, и Грег, прочитав вывеску, немного удивился. Но спрашивать у матери ничего не решился – видел, что та явно зла и с трудом сдерживается.

Он шел за ней по длинному коридору, и навстречу попадались люди в белых халатах. Мать остановилась у стойки, жестом велел ему подождать. Негромко переговорив с сидевшей там девушкой, она махнула рукой, приглашая Грега следовать за собой. У одной из дверей она остановилась, взялась за ручку и, глубоко вздохнув, толкнула дверь от себя.

Они оказались в просторной комнате, окна которой были занавешены белыми жалюзи. Откуда-то раздавался противный писк, напоминавший назойливого комара ранним утром. Осторожно выглянув из-за спины матери, Грег увидел высокую кровать, а на ней – опутанного проводами Женю с закрытыми глазами. Испугавшись, мальчик вцепился в руку матери и прошептал:

– Это... папа?

– Да.

– Что... что с ним такое? – выдохнул Грег, боясь пошевелиться.

– У него инфаркт. Это тяжелое заболевание сердца. Его сегодня днем увезла сюда «неотложка», и папа до сих пор не приходил в себя, – жестко сказала Марина. – Ему настолько плохо, что врач не может определенно сказать, будет он жить или нет.

Она понимала, что поступает очень жестоко, говоря такие вещи ребенку, но другого способа переломить его отношение к Хохлу просто не видела.

– Теперь я предоставляю тебе право выбора. Если ты скажешь, что не хочешь больше видеть его в нашем доме, мы развернемся и уйдем.

– И... что будет тогда... с ним... с папой? – испуганно прошептал Грег, запинаясь.

– Не знаю, – жестко отрезала Марина. – Но почему тебя это волнует? Ты ведь не хочешь его видеть, так зачем тебе знать, что с ним будет? Возможно, он выживет и будет жить в другом месте, а возможно – нет. Но какая разница тебе – если ты решил никогда больше не видеть его рядом со мной?

Грег зарыдал в голос, уже не стесняясь ничего и никого. Он не был жестокосердным, он был обычным ребенком, которому хотелось, чтобы мать принадлежала только ему – нормальный детский эгоизм. Но мысль о том, что Женя, возможно, умрет без них, настолько сильно поразила его, что Грег не смог совладать с эмоциями.

– Мама... мамочка... – захлебываясь слезами, рыдал он. – Пожалуйста... пожалуйста, пусть доктор ему поможет... я не хочу... я без него не хочу... он же мой папа... мамочка, я никогда... я больше никогда...

– Ну, что ты за стерва... котенок... – раздался вдруг хриплый голос Хохла. – Зачем... над малым... такое...

Марина незаметно смахнула с глаз слезы, развернула к себе плачущего сына и жестко сказала:

– Запомни свои слова и свои слезы, Грегори. Больше никогда я не вернусь к этому разговору, понял? Ты не вправе решать за меня. Ты всегда будешь принимать то, что я считаю правильным, понятно? И никогда больше ты даже в мыслях не посмеешь обидеть отца.

Грег молча кивнул и кинулся к кровати, взял изуродованную шрамами руку Хохла и прижался к ней щекой:

– Папа... прости меня, ладно?

– Не плачь... – с трудом проговорил Женька. – Я не сержусь...

Но взгляд его, переведенный поверх головы Грега на Марину, красноречиво свидетельствовал о том, что, как только он встанет на ноги, разговор с женой предстоит не из приятных. Она поняла и только плечами пожала – мол, как скажешь.

Марина обошла кровать и села около мужа:

– Ну, ты напугал меня, родной.

– Вижу, что ты совсем голову... потеряла... – вздохнул он, укоризненно глядя на нее. – Грег... ты стул возьми, сядь.

Мальчик, на ходу вытирая глаза рукавом школьного пиджака, побрел в угол палаты, где стояла табуретка.

Коваль поправила одеяло, укрывавшее Хохла до груди, коснулась пальцем укрепленных электродов, перевела взгляд на монитор. Сердце билось ровно, и это внушало надежду на то, что все будет в порядке. Грег уселся рядом с ней и молчал, только изредка переводил дыхание и давил всхлипы.

– Не реви, – негромко велела Марина, заметив, что Женька снова закрыл глаза.

– Я не реву, – шепотом сообщил сын, – мне просто страшно очень...

– Мне тоже, – таким же шепотом призналась она, – я не представляю, как мы будем жить с тобой, если вдруг...

– Ты чего взялась меня хоронить? – поинтересовался Хохол, который не спал, а просто не мог поднять слипающиеся тяжелые веки. – Избавиться решила?

– Придурок, господи, прости, – по-русски сказала Марина.

– Идите отсюда, – попросил Женька, облизывая губы, – ну, правда, Мэриэнн... что толку в твоих посиделках? И пацан вон трясется весь – ты нашла, что ему показать...

– Это я как-нибудь сама решу, хорошо? Ты поспал бы.

– Я бы и поспал, но вы тут сидите, мне хочется на вас смотреть, а глаза слипаются просто, – признался Женька. – Езжайте домой, котенок.

– Я вернусь вечером, – безапелляционно заявила Марина, вставая. – Позвоню отцу, попрошу, чтобы прилетел.

– Зачем дергать старого человека попусту?

– Так, все, молчи! – предостерегающе сверкнула глазами Коваль и добавила шепотом, наклонившись к самому его уху: – Ты нужен мне живой, здоровый и полный сил... понимаешь, да?

Хохол фыркнул и закашлялся, а Марина, невозмутимо распрямившись, поправила прическу и пошла к двери, где ее уже ждал сын.

Всю дорогу до дома Марина грызла себя за то, что заставила ребенка пережить такой стресс. Но она не видела другой возможности показать ему, насколько важен Хохол и для нее, и для него тоже.

Дома Грег сразу ушел к себе, сел за уроки, и Марина получила возможность побыть в одиночестве. Открыв ноутбук, обнаружила письмо от Мышки – подруги, с которой вот уже много лет вынуждена была поддерживать связь вот так – письмами и в аське. Содержание письма моментально вытеснило из ее головы все остальные проблемы. Мышка просила совета, но за сухими и выверенными до последней запятой строчками Марина сразу угадала состояние, в

котором находилась подруга. «А еще говорят, что лихие девяностые прошли и остались в истории, – хмыкнула Коваль, вчитываясь в текст. – В этой стране никогда ничего не меняется, просто перетекает в другую форму. Опять разборки, наезды и дележка. Бедная Машка, как же она так влипла-то?»

Обсудить содержание письма она могла только с Женькой, но вряд ли стоило в ближайшее время рассчитывать на его помощь. Справедливо рассудив, что утро вечера мудренее, Марина легла спать.

Всю ночь ее мучил кошмар, который стал возвращаться все чаще и чаще. Ей снился первый любовник Денис Нисевич – человек, с которого началась новая веха в ее жизни. Если бы не он, если бы не его садистские замашки – то не было бы в Марининой жизни ни старого Мастифа, у которого она с кровью вырвала из рук целую криминальную империю, ни Олега Черепа, научившего, как правильно сделать это, ни Сереги Розана – верного помощника и советчика во всех делах. Не было бы любимого мужа Егора Малышева, не было бы рек крови, ранений и ужасов. Не было бы и Хохла. Марина никак не могла определить, какие чувства вызывает у нее умерший любовник – ужас, гнев, благодарность? Она не могла простить ему искалеченной души и изуродованного тела, как не могла простить того, кем она стала благодаря ему. И этот сон, преследовавший ее много лет... Денис, тяжело больной туберкулезом в последней стадии, сидя на табуретке в заброшенном доме в дачном поселке, просит ее:

«Забери меня к себе. Дай мне возможность умереть рядом с тобой, видя тебя, держа за руку».

Она отчетливо помнила этот эпизод, могла рассказать, во что была одета, как причесана, что было в том старом доме, как выглядели приехавшие с ней охранники, какого цвета был платок, в который надсадно кашлял Денис... Это сводило с ума, заставляло просыпаться в холодном поту и потом долго курить в кухне, открыв в любую погоду окно и глядя на сонную тихую улочку Бристоля. Кто бы мог подумать, что через столько лет она все еще будет возвращаться к своему прошлому.

Сегодняшняя ночь не стала исключением. Марина, с трудом заставив себя встать, ушла в кухню и, не включая света, закурила сигарету. Рассвет только-только начал окрашивать улицы города в утренние оттенки, еще не было мальчишек, развозивших газеты, не было молочника и булочника, торопившихся к постоянным клиентам с корзиной свежего хлеба и бутылками молока. Город лениво просыпался, возрождаясь к новому дню. Низкое серое небо, голые ветки деревьев, тихая улица без машин... Пейзаж, ставший привычным за годы, проведенные здесь, но так и не сделавшийся родным.

Закутавшись в длинную белую шаль, привезенную Хохлом из Сибири, Марина курила и задумчиво смотрела в окно. Если бы ей предложили сейчас немедленно оказаться дома, в родном городке за Уралом, в коттедже, где она жила сперва с Егором, а затем с Хохлом, она, не раздумывая, согласилась бы. Довольно часто в последние год-два она ловила себя на мысли о том, что начала превращаться в типичную иммигрантку – украшает дом какой-то дикой «хохломой», слушает русскую музыку, страдает от отсутствия берез и вообще заболела «квасным патриотизмом», когда все русское кажется лучшим и единственно возможным. Марина заставляла Грегори говорить по-русски, старалась следить за тем, чтобы в произношении не проскальзывал акцент, но иногда даже за собой замечала, что все чаще и чаще с трудом подыскивает какие-то слова – аналоги английским. Та же Мышка иной раз изумлялась, когда Марина в разговоре держала долгую паузу, вспоминая какое-то слово.

«Я старею, – с тоской думала Коваль, беря новую сигарету. – Меня неудержимо тянет туда, где я родилась и выросла, и никакие годы в Англии не способны истребить во мне это».

Напольные часы в гостиной пробили семь, нужно было будить Грегори, чтобы не проспал к началу занятий. И именно в этот момент ей позвонил Стивен.

Адвокат, ведший дела ее ресторана, вот уже несколько месяцев успешно совмещал эту должность со статусом любовника хозяйки. Марина даже теперь не могла объяснить себе, зачем сделала это. Возможно, ее одолело любопытство – на что способен амбициозный мужчина, которому улыбнулось счастье разделить постель со своей хозяйкой. Стивен, надо признать, не разочаровал ее, хотя после первых встреч Марина осталась в легком недоумении. Выносливый и довольно опытный, он вел себя как робкий школьник, оказавшийся наедине с молодой учительницей в запертом спортзале. Но со временем их встречи приобрели совершенно другой смысл. Коваль сумела раскрыть в Стивене то, что он так тщательно прятал под безукоризненными деловыми костюмами, хотя далось ей это непросто.

Сегодняшний звонок не был запланирован – Марина не злоупотребляла своей относительной свободой и не позволяла любовнику вольностей.

– Алло, – недовольно проговорила она в трубку.

– Мэриэнн, доброе утро.

– Не знаю, как у тебя, но у меня оно вряд ли доброе, – буркнула Марина.

– Что-то случилось?

– Мой муж в университетской клинике с инфарктом. Я понятно объяснила?

Стивен умолк. Марина ждала, нервно постукивая домашней туфлей о ножку стола.

– Нужна какая-то помощь? – изрек наконец он.

– Ты что – кардиолог?

– Нет, но...

– Тогда не лезь.

Опять повисла пауза. Коваль кляла себя за то, что в такой момент способна на разговор с любовником, пусть даже и в столь резком и неприязненном тоне, но поделаться с собой ничего, увы, не могла. Перед глазами вдруг ясно появился идеальный торс Стивена, его гладкая сливочно-белая кожа, чуть тронутая веснушками на плечах, его пронзительные зеленые глаза, его темно-русые волосы, и Марина внутренне даже застонала от этого зрелища.

– Мы можем увидеться сегодня? – нерешительно произнес он, словно угадав ход ее мыслей. – Или это не совсем к месту?

– Это не к месту совершенно, но мы увидимся, – решительно ответила Коваль, рассудив, что в постели с ним она сможет хоть как-то снять напряжение. – Я съезжу к Джеку и могу уделить тебе несколько часов вечером, когда Грег будет на тренировке.

– Тогда я позвоню тебе в обед и скажу, где мы увидимся. – В голосе любовника было столько радости и какого-то торжества, что Марина вдруг испытала отвращение к себе и к нему.

– Договорились. Заодно захвати контракты на поставку овощей с этими испанцами, – потребовала она, решив, что уж если ей придется увидеться со Стивеном, то пусть хотя бы будет оправдание – эти злосчастные контракты.

– Конечно, мэм, – отчеканил адвокат. – Я соскучился по тебе, – добавил он страстным шепотом, вызвав у Марины невольную улыбку.

– А я – нет, – заверила она. – Жду твоего звонка, – и положила трубку.

«Господи, ну почему сегодня? – с тоской подумала Марина, направляясь в детскую. – И почему я не отказалась? Хотя... Стивен хорош в постели, что там скрывать, и вот поэтому-то и не отказалась. Ладно, навещу Женьку, оставлю Грега на Сару и смотаюсь на пару часиков».

Предстоял еще звонок отцу, которого Марина хотела попросить приехать сюда, в Бристоль. Все-таки лучше, когда ребенок остается с дедом, а не с домработницей. Виктор Иванович по-прежнему писал для разных изданий статьи, а остальное время посвящал работе над книгой о российском криминальном мире. И ему, по большому счету, не было разницы, где делать это – в холостяцкой квартире в Москве или в Бристоле у дочери.

Старый журналист, услышав новости, сразу предложил свою помощь, и Марине даже не пришлось произносить фразу «Папа, пожалуйста...», которую она всегда ненавидела. Отноше-

ния с отцом по-прежнему были слегка натянутыми – она никак не могла простить ему предательства, из-за которого провела детство в сивушном запахе притона для алкоголиков. Обретя отца уже в сознательном возрасте, будучи к тому моменту главой крупной группировки, контролировавшей половину зауральского региона, Марина по сей день не научилась полностью доверять ему. И никто – ни первый муж, ни Хохол ничего не смогли с этим поделать. Виктор Иванович смирился, уже не так остро реагировал на едкие слова дочери, которыми та довольно часто обижала его. Он понимал, что Марина имеет на это некое право – право брошенной девочки, которая выросла в аду и смогла не сломаться, не покатиться вниз по наклонной, имея перед глазами пример матери, а окончить институт, выучить английский, суметь удержать в руках огромную игорно-ресторанную империю. Да, он понимал, что весь бизнес дочери густо замешен на криминале, как понимал и то, что эта хрупкая на вид женщина держит в руках отпетых уголовников и отморозков, и те даже не помышляют о каком-то бунте. Когда Виктор Иванович впервые увидел все это и оценил масштабы, у него сжалось сердце – его дочь, которую он совершенно не знал, обладала таким железным характером и такой сильной волей, каких он желал бы сыну. Но Дмитрий, несмотря на генеральские погоны, был все-таки слаб. И отношений со сводной сестрой у него, понятно, не получилось – да и как... Генерал МВД и глава криминальной группировки... Дмитрий вылетел с работы во многом благодаря открывшемуся родству, а его сын Николай... Об этом Виктор Иванович Коваль старался не думать. Внук пал в его глазах так низко, что из-за той черты возврата уже не было. Теперь у журналиста остался только один внук – маленький Грегори, и он старался как можно больше времени проводить с мальчиком – насколько это позволяли дела. Так что звонок Марины сегодня оказался весьма кстати.

– Ты мне позвони потом и скажи, на какой рейс возьмешь билет, я приеду тебя встречать, – попросила Марина и, получив утвердительный ответ, попрощалась.

Разбудив сына и проводив его до машины заехавшей за ним уже по традиции соседки, миссис Каллистер, Коваль занялась наконец собой. Она собиралась поговорить с лечащим врачом Хохла, выяснить, насколько опасно его состояние, какой прогноз, как долго его продержат в больнице – словом, решить множество мелких, но неотложных вопросов. Потом предстояло провести какое-то время с мужем в палате – ну, это она не относил к разряду проблем, близость Женьки всегда настраивала ее на нужный лад и давала возможность привести в порядок мысли. Говорить ему о письме Мышки Марина пока не собиралась, чтобы не волновать. Она сделает это позже, когда критическое состояние перейдет в стабильное. А сегодня она просто посидит около, держа его за руку, поговорит о чем-то отвлеченном, да даже просто помолчит.

Марина не стала наносить привычный макияж, только чуть тронула тушью ресницы и губы – помадой. Вспомнив о том, что обещала Стивену провести с ним вечер, она про себя усмехнулась: «Ничего, и не накрашенную переварит». Уже несколько недель ее изнутри точил какой-то червячок, вызывая сомнения в том, что связь со Стивеном по-прежнему ей нужна. Если первое время она с удовольствием ехала на свидания, то теперь почему-то каждая встреча давалась с трудом. «Зачем я делаю это? Неужели только потому, что он восхитительно хорош в постели и всегда делает то, что мне нужно и нравится? Ну, не в этом ведь счастье. Хохол тоже бо-о-ольшой искусник в этом смысле, и куда там Стивену... Тогда зачем я заставляю себя?»

Уцепившись за слово «заставляю», Марина вдруг осознала – а ведь действительно, этот роман начал тяготить ее. Всякий раз, возвращаясь домой от любовника, она натывалась на внимательный взгляд сына, на хмурое лицо Женьки, который, скорее всего, уже давно догадывался о причинах ее отлучек, но пока молчал. Она прекрасно знала – долго так не продлится, и Хохол, устав ждать, пока она сама прекратит эти поездки, может начать действовать, а у него на все всегда один метод, и он явно противозаконный. Это в благословенной России можно в случае чего откупиться от разборок с правоохранительными органами, а вот в Англии это

совершенно невозможно – здесь даже штраф за неправильную парковку не выбросишь, потому что не может быть ошибки, местные полицейские их просто-напросто не совершают. Уж если под «дворником» машины торчит бумажка, то можно быть уверенной – это за дело. Так что лучше бы не доводить мужа до встречи с английским правосудием. И сделать это можно лишь одним способом – перестать бегать к Стивену.

«Ладно, я это обдумую на досуге. Не сегодня. Потому что сегодня Стивен мне нужен, как не нужно больше ничего».

– ...дааа...

Марина с хриплым стоном рухнула лицом в подушку, и Стивен едва успел увернуться – иначе она разбила бы ему нос. Осторожно переместив ее с себя на постель, он сел, тоже с трудом переводя дыхание.

– Ты меня вымотала, – признался негромко, поглаживая Марину по спине.

– Убери руку, – процедила она, не поворачиваясь. – Я терпеть не могу, когда ты делаешь это!

– Все, я понял. Хочешь чего-нибудь? Воды, сигарету?

– Единственное – чтобы ты замолчал и дал мне пять минут спокойно и в тишине полежать.

Стивен немного обиделся – вот так всегда – он старался, выкладывался, как мог, чтобы только доставить ей удовольствие, а она отворачивается к стене и просит молчать. Он начал чувствовать себя использованным. Порой эта женщина вела себя как самый настоящий мужик... Прежние пассии Стивена были моложе, неопытнее, и там он был королем, а здесь никак не получалось. То есть он главенствовал ровно до той поры, как все заканчивалось, и через секунду становилось понятно, где чье место и кто кому босс. Мэриэнн даже в постели была собой – ни на грамм не менялась, тот же тяжелый взгляд чуть прищуренных глаз, те же обидные едкие слова, та же безапелляционность. Оказавшись в постели с ней впервые, Стивен слегка удивился. Она абсолютно не выглядела на свой возраст, ее тело было безупречным, подтянутым и гладким, кожа – упругой и нежной, а изгиб талии просто сводил его с ума. Первое время Стивену казалось, что все происходящее – только сон и вот уже скоро он откроет глаза и поймет – ничего не было. Но нет – шли недели, а Мэриэнн по-прежнему была с ним, соглашалась играть по его правилам, подчинялась и делала все, чего он хотел. Правда, только в постели. Едва все заканчивалось – и он вот так же, как сегодня, чувствовал себя всего лишь инструментом для удовлетворения прихотей. Он не мог понять, раздражает его это или нет. Скорее нет, потому что все следующие дни до нового свидания Стивен томился и считал часы. Встречи с Мэриэнн стали точкой отсчета для всей остальной его жизни. В перерывах между свиданиями он чувствовал, как пусто внутри, как не хватает чего-то, как пейзаж за окном вызывает раздражение, а секретарша Дороти и вовсе – приступы ярости. Но наступал вечер, появлялась Мэриэнн – и все становилось на привычные места, и на завтра он приносил для Дороти букет ее любимых фиалок из ближайшей к офису цветочной лавки, шутил, улыбался, и все шло хорошо. В офисе Мэриэнн держалась отстраненно и холодно – точно так же, как с любым другим сотрудником, была сдержанно приветлива, отстраненно вежлива и не более. Все менялось в номере мотеля, когда они оказывались наедине... В эти минуты мир для Стивена переставал существовать. Если бы еще хоть капля взаимности...

Марина перевернулась на спину, натянула на себя простыню и внимательно наблюдала за тем, как Стивен раскуривает сигару, сидя в кресле у импровизированного камина. Это ей в нем нравилось. Даже не столько нравилось, скорее просто напоминало о том, что Егор в последние годы перешел на сигары. Ничем, кроме этого, Стивен не был похож на мужа, но

Марине почему-то всякий раз приятно было смотреть на то, как он сидит в кресле с сигарой, выпускает дым и думает о чем-то.

– Ну что, дорогой, ты не хочешь мне больше ничего сказать? – вкрадчиво проговорила она и с удовлетворением отметила, как напрягся Стивен, как в его глазах блеснул огонек предвкушения. Эта фраза была сигналом, пусковым моментом.

– Я могу сказать тебе еще очень много... очень... если ты, сучка, замолчишь немедленно и опустишь свои глаза, – зарычал он, вскакивая из кресла. – Не смей смотреть на меня так! – Сильная рука вцепилась в волосы, и Марина почти натурально вскрикнула. – Не смей, ну?!

Коваль закрыла глаза, стараясь не расхохотаться и не сбить с настрое ни его, ни себя. Попытки Стивена вести себя «по-хозяйски» всегда веселили ее. Когда человеку не дано этого, то, как ни сился, не выйдет. Вот Хохол – тот мог. Марина в постели часто ловила себя на том, что могла бы, наверное, и в жизни подчиниться Женьке ровно так же, если бы изначально их отношения сложились несколько иначе. Или если бы Хохол любил ее чуть менее сильно. Кроме того, ей на самом деле хотелось быть рядом с ним слабой и беззащитной, потому что Марина знала – Женька убьется, но сделает так, чтобы с ней ничего не случилось, она смело могла доверить ему жизнь. А Стивен для такой роли не годился, и потому она позволяла любовнику только в постели чувствовать себя первым и главным – собственно, как раз в постели ей это и нравилось, она со всеми своими мужчинами вела себя таким образом. Другое дело в жизни...

Терзавшие ее тело руки Стивена вдруг дрогнули, и Марина резко села, почувствовав острую боль:

– Что это было?

– Прости... соскользнул.

Она подняла руку и увидела длинный багровый след, тянущийся от подмышки на правую грудь.

– Стив, ты идиот? – поинтересовалась Марина, рассматривая след.

– Прости, Мэриэнн, я как-то случайно.

Он сел рядом, отбросив ремень, и принялся целовать ее тело, преодолевая сопротивление. Марина пыталась отбиться – это выводило ее из терпения, но Стивен неожиданно подмял ее под себя, зажав одной рукой оба ее запястья, а другой продолжая гладить:

– Нет, дорогая... сейчас ты делаешь то, что хочу я.

Она закрыла глаза, стиснула зубы и молчала, хотя как-то неожиданно поймала себя на вредливой мысли, что ей это нравится. Она перестала сдерживать себя и начала отвечать на его ласки, и оставшееся время они провели с обоюдным удовольствием.

– Почему ты не можешь быть такой всегда, Мэриэнн? – поинтересовался Стивен позже, глядя на то, как Марина натягивает на ногу чулок.

– Тебе быстро станет скучно, мальчик, – улыбнулась она. – Все приедается, в том числе и это.

– Разве может приестся такая женщина, как ты?

– Запросто, – хохотнула она, скользнув в обтягивающее платье и поправляя глубокое декольте на груди. – Не веришь – спроси у Джека, – добавила она лукаво, прекрасно зная, что упоминание о Хохле мгновенно испортит Стивену настроение.

– Как ты себе представляешь наш диалог? Твой муж не говорит по-английски, я вообще удивляюсь, как ты с ним общаешься, – возмущенно и немного обиженно фыркнул любовник, не понимая даже, что сейчас подставил себя под острое словцо, которое незамедлительно и прозвучало:

– Стиви, мальчик мой, а мне с ним не приходится разговаривать – он делает все, чего хочет сам, и никогда не оглядывается на то, как я отреагировала. Поэтому в постели мы молчим – некогда беседовать и незачем.

Поставив точку именно так, как хотела, Марина подошла к Стивену, легко поцеловала его в нос, погладила по щеке и вышла из номера, не дав любовнику опомниться и возразить.

Спустившись на парковку к машине, она наконец позволила себе расхохотаться в голос, не обращая внимания на удивленные взгляды швейцара, стоящего у входа в мотель. «Господи, какая я дура, – думала Марина про себя, садясь в машину. – Зачем я издеваюсь над мужиком? Ведь нормальный же мужик-то, умный! Кто виноват, что мне он просто не по размеру, не по темпераменту, да вообще просто – не мой? Я использую его, как мужики обычно используют продажных девок, разве что вот денег не плачу, но смысл-то ведь не меняется. Чертов характер».

Стивен позвонил ей, когда она уже парковала машину в собственном дворе.

– Ты была восхитительна, Мэриэнн, – проговорил он без предисловий. – У меня не было женщины лучше тебя.

«Ну-у, поехали... – с тоской подумала Коваль, доставая сигарету и зажигалку. – Как же я ненавижу, когда начинаются вот эти слащавые завывания... Почему, ну почему люди так любят слова и большей частью банальные совсем?»

– Стив, я очень устала, – мягко проговорила она в трубку, справедливо решив не обижать любовника сильнее, чем уже сделала, уезжая из мотеля, – мне хочется в душ и в постель. Надеюсь, ты не возражаешь, милый?

– Конечно, ну, что ты... – заторопился Стивен, – отдыхай. Завтра увидимся в офисе?

– Нет, я не приеду. Джек в больнице, ты ведь понимаешь?

– Понимаю, – тяжело вздохнул любовник.

– Ну, и умница. До встречи, дорогой, – и она положила трубку быстрее, чем Стивен успел еще что-то сказать.

Грегори, поужинав вместе с матерью, отправился к себе, а она уселась в кресло и потянулась к ноутбуку. Короткая переписка с Машкой прояснила ситуацию, и Марина вздохнула. Придется лететь в Сибирь, она просто не может оставить подругу без поддержки. Но сперва нужно убедиться, что с Хохлом все будет в порядке. Срок предъявленных Машке требований позволял пока потянуть время, и Коваль собиралась воспользоваться этим.

Внезапно у нее нехорошо засосало под ложечкой, а по спине побежали мурашки. Подобное ощущение всегда предшествовало каким-нибудь нежелательным или вообще опасным событиям и неоднократно спасало Марине жизнь. Именно это чувство заставило ее рухнуть на пол за секунду до того, как в торговом центре однажды раздались автоматные очереди, и это дало им с Веткой выжить. Да сколько их было, подобных ситуаций... Сейчас же Марина никак не могла понять, откуда и что конкретно может ей угрожать. Однако, повинуясь предчувствию, она встала и пошла в кабинет, где в специальном сейфе, о котором не знал даже Женька, хранился мобильник с одним-единственным номером.

«Вот оно, – с досадой подумала Марина, когда увидела на дисплее три пропущенных звонка пятиминутной давности. – Ворону что-то надо. Черт, как все не вовремя!»

Мишка Ворон, друг и «соратник» по старой войне за раздел собственности, пользовался этим каналом связи только в случае крайней нужды. Пришлось перезванивать.

– Ну, здорово, что ли, боевая подруга, – зазвучал в трубке его чуть хриловатый голос, – как живешь-можешь?

– И тебе не хворать, – отозвалась она, заметив, что Мишка не называет ее по имени – то ли не помнит, то ли сомневается и не знает, какое именно может использовать в разговоре, потому что паспортов у Марины было несколько.

– Ты в родные палестины не собираешься?

– С утра не собиралась, но вот сейчас что-то подсказывает, что завтра буду билеты заказывать, – без особой радости созналась она, понимая, что Ворон просто так не позвонит и такого вопроса не задаст. Что-то случилось, и ему нужна ее помощь.

– Было бы недурственно увидаться.

– Ну, вестимо! – фыркнула Марина, нашаривая сигарету. – Ты ж когда что приятное-то предложишь? Только головняки.

– С чего взяла про головняки? – не совсем довольный спросил Ворон.

– Ой, я тебя умоляю! Не первый день знакомы, да?

– Сдаюсь, – рассмеялся он. – Поговорить бы, пообщаться.

– Понятно. Скоро не обещаю – у меня Хохол с инфарктом свалился, вот на ноги встанет, тогда и подъеду. Надеюсь, у тебя ничего скороспелого?

– Да вроде нет... хотя шут его разберет, если честно. Ладно, лечи мужика своего, я потом еще звякну.

Попрощавшись, Ворон положил трубку, а Марина, вернув свою обратно в сейф, мрачно задумалась. Все валилось в одну кучу, и эта куча разрасталась со страшной скоростью, это было совершенно некстати. Ехать в Россию без поддержки Хохла она не хотела – все-таки, как ни крути, а Женька в случае чего мог подстраховать и дать дельный совет, а то и вовсе наплевать на все условности и устроить незамысловатую резню. Не то чтобы ей это было нужно, но и гарантии тоже не мешали бы. А в Сибири вообще нечего делать одной – она там никого практически и не знала даже «при жизни». Зато у Женьки там имелась довольно крепкая и всегда полезная и эффективная зацепка – старый Митрич, которому когда-то очень давно совсем тогда еще молодой Хохол спас в лагере жизнь. Такие вещи помнятся долго, и срока оплаты у подобных долгов не существует. Но это можно было решить и телефонным звонком. Главное – уговорить Хохла сделать его, звонок этот. Хотя, поскольку дело касалось Мышки, Марина могла быть почти стопроцентно уверена в результате. Но вот что делать с Вороном? Во время последнего визита в родной город Марина там здорово начудила, даже успела побывать в отделении милиции, и только Мишкино вмешательство позволило ей выйти сухой из воды и никем не опознанной. Хохол, вовремя сообразивший, что в картотеке наверняка хранятся отпечатки ее пальцев, забил тревогу, и Ворон помог ему разрулить ситуацию быстро и непробиваемо – упрямый своего человека откатать вместо Марининых отпечатки какой-то задержанной проститутки. Коваль была очень благодарна и мужу, и Ворону за то, что они провернули. Мысль об отпечатках посетила ее только в тот момент, когда ее уже везли в ИВС. В душе она, конечно, надеялась на русский авось и на то, что по прошествии времени отпечатки считавшейся мертвой Наковальни просто исчезли из архива. Но ведь никогда нельзя быть уверенной...

Марина знала также, что Хохол вряд ли обрадуется новости о предстоящей поездке в Н. Он всегда был категорически против этих визитов, орал, бесновался и даже пару раз оставлял на белоснежной коже Марины огромные синяки и кровоподтеки, но поделаться ничего не мог. Непокорная супруга все равно срывалась и улетала.

«Ничего, про Ворона не скажу, а про Машку – даже нужно, может, Женька еще и посоветует что-то дельное», – решила она.

Болезнь Хохла надолго лишила ее свободного времени, и тому же Стивену она могла уделять лишь пару часов в неделю, оставив Грегa с Сарой и сославшись на срочные дела в офисе. Все же остальное время Марина проводила рядом с мужем, чему тот был несказанно рад. Стивен же постоянно требовал внимания, и это Марину злило ужасно – она не любила быть зависимой от чьих-то капризов и потакать любовнику не собиралась, жестко пресекая все его попытки настоять на встрече, если ей вдруг этого не хотелось. И все чаще она ловила себя на том, что вздыхает с облегчением, в очередной раз отказав ему. «Это, скорее всего, начало конца, – думала Марина. – Может, оно даже к лучшему – раз уж мне настолько в тягость стало

видеть его и ложиться с ним в постель. К чему мучить себя?» О чувствах Стивена она, разумеется, не думала – как никогда не думала о том, что ощущают ее любовники, наталкиваясь на ее холодность и неминуемо следующий за этим разрыв отношений.

Накануне выписки Хохла она все-таки сдалась и уступила просьбе Стивена встретиться с ним. Марина договорилась с Сарой, что та проведет с Грегом вечер, и начала как-то совсем уж лениво собираться, постоянно замирая перед туалетным столиком и разглядывая себя в зеркале. Вроде бы ничего необычного, а все равно какое-то неприятное ощущение внутри. Вот поймала себя на мысли, что не хочет делать яркий макияж, хотя знала, что Стивену это очень нравится, вот отбросила в сторону новый комплект белья, поленившись подбирать к нему чулки... Да и с самого утра на душе скребли кошки – Коваль чувствовала, что сегодня все пойдет не так, как прежде...

Она чувствовала себя немного глуповато – все эти встречи в мотелях на окраинах Бристоля или – что еще хуже – в окрестных городках и деревнях, какие-то шпионские страсти. Марина никогда не скрывала своих связей, ни будучи замужем за Егором Малышевым, ни позже, уже живя с Хохлом. Конечно, напрямую не говорила, но если уж спрашивали – не отпиралась, считая это недостойным.

Мотель был новым, недавно открытым и полупустым. Как ухитрялся Стивен находить такие места в их небольшом городе, Марина не понимала. Она не особенно тряслась за свою репутацию – к чему ей это здесь, где ее могут опознать разве что матери одноклассников Грега? Но Стивен настаивал на тайных встречах без вывешивания афиш и флагов, и она не возражала, хотя в душе понимала причину, и от этого ей становилось слегка не по себе. Марина чувствовала, что ее любовник опасается огласки не потому, что бережет ее репутацию, а потому, что элементарно боится Хохла, с которым знаком. Это было единственным неприятным моментом в связи со Стивеном, все остальное ее вполне устраивало.

– Проходи. – Стивен толкнул дверь и пропустил Марину в номер.

Ничего выдающегося – стандартный набор любого люкса в любом местном отеле. Но Коваль не страдала от отсутствия экзотики, скорее наоборот.

Сегодня на самом деле все шло как-то иначе, чем обычно. Стивен словно сбился с привычного сценария, и это раздражало. Чувствовалось, что он нервничает, руки подрагивают, поцелуи какие-то торопливые, словно боится не успеть. Марина не выказывала недовольства, однако и удовлетворения никакого не получала. «Убитый вечер, – мрачно констатировала она про себя, не замечая попыток любовника доставить ей удовольствие. – Лучше б дома осталась».

Но в конце концов он смог отвлечь ее от мрачных мыслей, и Коваль практически удалось стать собой прежней, и даже последний вскрик вышел естественным, а не наигранным, как уже планировалось.

Она сладко потянулась и перевернулась на живот, опустила подбородок на скрещенные руки и принялась внимательно наблюдать за тем, как Стивен, совершенно голый, курит у занавешенного легкой голубой органзой окна. Марине нравилась его фигура – поджарая, с узкими бедрами и длинными ногами. Стивен занимался на досуге тайским боксом, Марина даже один раз была с ним на каком-то любительском турнире и поразились тому, как спокойный и уравновешенный в обычной жизни человек на ринге превращался в резкого, жесткого и способного убить. Именно этот турнир расставил все в их отношениях на свои места – Марина поняла, что в постели Стивен тщательно контролирует свои порывы, боясь испугать ее вот этой внутренней агрессией, а она-то как раз именно такое и любила. Ночью, в небольшом мотеле, она четко разъяснила Стивену, почему у них все не особенно ладится, и тот, немного удивленный, предложил кое-что поменять. Когда же Коваль согласилась... в общем, эта ночь удивила обоих, а Марина, вернувшись домой, долго рассматривала в зеркале длинные красные полосы на спине, оставленные брючным ремнем. «М-да... Хохол не оценит. Наверное, даже хорошо, что он сейчас в больнице», – цинично подумала она, вставая под душ.

Однако Хохол всегда остро чувствовал измену. То, что у Марины кто-то есть, он заподозрил уже давно, но особого значения не придавал, как, впрочем, и всегда – ну, поиграет и вернется, не впервой. И в тот день, когда она приехала после обеда к нему в больницу, он вдруг ощутил тревогу и беспокойство, едва только взглянув в ее странно блестящие глаза и заметив какое-то не совсем вменяемое выражение лица. Он отлично знал, после чего оно таким бывает...

Насколько позволяли провода датчиков, он приподнялся в постели, взял жену за запястье и сжал, требовательно заглядывая в глаза. Коваль поморщилась, но взгляда не отвела и на немой вопрос ответила согласным кивком. Пальцы Хохла вдруг ослабели, давление на запястье стало меньше, и Марина испугалась, не стало ли Женьке хуже. Но он отвернулся и пробормотал:

– Уходи. Мне надо побыть одному.

Коваль не шелохнулась, так и продолжала сидеть на краю кровати.

– Уходи, Мэриэнн, – процедил Хохол сквозь зубы. – Как человека прошу – уйди, я не могу тебя видеть.

– Тогда зачем ты спросил? – спокойно отозвалась она, поправляя одеяло, сползшее в сторону. – И так ведь давно все знаешь – к чему вопросы? Уточнить хотел? Уточнил. Полегчало? Смотрю – не особо.

– Издеваешься?

– Это ты издеваешься над собой. Я говорила – не изменюсь, никогда не изменюсь, и ты знал правила игры и принял их, раз женился. Так чего хочешь теперь? Чтобы я резко изменилась и стала смотреть сериалы по телевизору, печь булки и толстеть на диване? Этого не будет. Я не перестану жить так, как привыкла. Не перестану от случая к случаю заводить романы. Как не перестану всякий раз возвращаться к тебе, кстати, – проговорила Марина, поглаживая холодной ладонью широкую спину мужа, обращенную к ней. – Я тебе много раз говорила – не можешь терпеть, уходи, не мучайся. Но ты ведь не уходишь? Значит, ты согласен терпеть.

– Я не железный. И терпение у меня не резиновое, – зло выдавил Женька, не оборачиваясь. – И как только я выйду отсюда, в первые же сутки найду твоего прекрасного адвоката и сделаю его глубоким инвалидом. Передай, что у него есть время изучить сумму пособия по инвалидности – или что тут у них полагается, я не знаю.

Марина усмехнулась, хотя понимала – не шутит и, скорее всего, так и сделает, едва только выпишется из больницы. И Стивену уж точно не поздоровится. Но это был его выбор – он ведь тоже знал, что Марина замужем, и даже видел, за кем. Так что она здесь ни при чем – не тащила Стивена в постель насильно, он не юный невинный мальчик, знал, на что идет.

Сейчас, глядя на прекрасную фигуру любовника, она снова вспомнила разговор с мужем, состоявшийся около недели назад. Хохла должны были выписать на днях...

– Стив, а ведь мой муж скоро выйдет из больницы, – проговорила Марина, желая проверить реакцию любовника на подобную информацию.

– И что? – Стивен обернулся, держа в пальцах сигарету. – Раньше нам это не особенно мешало, кажется. Мы перестанем видеться?

– Нет, не перестанем. Но я предупреждаю – Джек, если разозлится, даже искалеченными руками может нанести довольно сильные увечья, он в этом большой мастер.

– Послушай, Мэриэнн, – Стивен затушил сигарету и опустился на кровать возле Марины, чуть приобнял ее, притянув к себе, – вот я не пойму одного – почему ты живешь с этим неандертальцем? Он же эмигрант, да? С Украины, кажется?

– Ну и что? – Прохладная кожа Стивена, прикасавшаяся к разгоряченной от недавних ударов спине, доставляла неприятные ощущения, как и разговор, затеянный им.

– Нет, я тоже толерантно отношусь к людям любых национальностей, но не понимаю, что удерживает такую женщину, как ты, рядом с этим неотесанным украинским крестьянином?

– Стивен, мальчик мой, а ты сам-то каких таких графских кровей будешь? – ласково спросила Марина, однако любому, знавшему ее, было бы понятно, что сейчас она изо всех сил сдерживается, чтобы не закричать. – Насколько я знаю, папы у тебя вообще нет, а мама в юности работала хостесс в одном из ночных клубов Лондона – причем не самых дорогих и элитных. И образование свое блестящее ты получил совершенно случайно, потому, что мама ухитрилась выйти замуж за богатого, но очень уж старого джентльмена, который перед смертью ей все денежки по завещанию оставил. Поправь, если я ошиблась. Молчишь? Ну, еще бы.

– Откуда ты это знаешь? – вывернул изумленный Стивен, всегда старавшийся скрыть эти факты своей биографии.

Марина освободилась от его рук и села, натянув простыню на грудь. Ей вдруг сделалось смешно – взрослый, умный человек, а выглядит как испуганный мальчик, которого застукали в школьном туалете с сигаретой.

– У меня есть принцип, дорогой. Я никогда не нанимаю на работу человека, предварительно не выяснив о нем всего, вплоть до размера обуви. Частный детектив, – пояснила она, с улыбкой наблюдая за тем, как испуг на лице Стивена сменяется яростью.

– Ты... шпионила за мной?! – сиплым шепотом выдавил он и сжал кулаки.

– Да. И что ты теперь сделаешь, дорогой? – с любопытством, но без всякого страха поинтересовалась Марина. – Ударишь меня? Давай. Только не кулаком – будет синяк, а мне не хотелось бы, чтобы потом такие же синяки покрыли тебя во весь рост – Джек не поймет и не простит, знаешь ли...

Стивен на миг сбился, смешался, отвел глаза, и Коваль с наслаждением констатировала – все, сломала, он уже никогда не сможет поднять на нее руку, не тот характер у него, чтобы переиграть ее. А это – увы – уже не так интересно. Первый шаг к разрыву.

Она сравнивала Стивена с Хохлом и понимала, что это сравнение явно не в пользу первого. Женька в этой ситуации не поддался бы, а наоборот, взъярившись, ударил ее так, что она долго бы помнила. Да, потом бы убивался, испытывал стыд и все такое, но в первый момент не позволил бы давить на мужское самолюбие. И, возможно, именно потому они до сих пор вместе, несмотря ни на что. А этот – слабоват и, как выяснилось, труслив. Перспектива разборок с «неандертальцем» явно его испугала. Ну, что ж... Значит, так было нужно. Тем безболезненнее будет этот разрыв. Хотя, признаться честно, Марина никогда особенно не переживала расставаний с такими вот случайными любовниками, а чужие эмоции ее вообще не интересовали.

В случае со Стивеном ее занимало только одно – хватит ли у того духу уйти совсем, отказавшись заодно и от работы на нее. Она платила хорошие деньги, а работы было совсем немного – договора, контракты с поставщиками продуктов для ресторана, какие-то рядовые юридические мелочи. И сейчас ей было забавно и любопытно понять, возобладает ли в Стивене профессионал над оскорбленным и отвергнутым любовником.

Стивен опустил в кресло и вдруг обхватил руками голову. Будучи неглупым, он с самого начала ощутил, что сегодня произойдет что-то, от чего жизнь его изменится, и не факт, что в лучшую сторону. Мэриэнн привлекала его как женщина, да что там – привлекала, просто поглотила целиком, и он уже не представлял, как будет жить дальше без нее. Он строил далекие планы и в тайных мечтах даже уводил ее от мужа, хотя и понимал, что это предприятие весьма рискованное. И вот сегодня она вдруг сделалась холодной и почти бесстрастной, хотя прежде была совершенно иной. Стивен чувствовал, что такая перемена – не к добру, и разговор этот странный – тоже.

– Ты... не хочешь больше быть со мной? – решился он задать вопрос и похолодел от услышанного.

– Угадал. Это была наша последняя встреча.

– Но почему, Мэриэнн? Разве тебе было со мной плохо?

Она посмотрела насмешливо и холодно бросила:

– Какая банальность. Ненавижу этот вопрос – его задают только неуверенные в себе мужчины. А таких я обычно к себе не подпускаю. С тобой вот промахнулась. Но ничего, все бывает.

Поднявшись с кровати, она, как привидение, в простыне, прошла в душ и там закрылась, оставив любовника, теперь уже бывшего, в одиночку переживать разрыв и ее обидные слова. Вид раздавленного мужчины ее никогда не привлекал, и Марина старалась избегать таких сцен. Не задай сегодня Стивен глупого вопроса – и они расстались бы мирно, она не стала бы унижать его такими репликами. Но – что сделано, то сделано, а жалеть о чем-то Коваль никогда не любила.

Когда, полностью одетая и с подправленным макияжем, Марина вернулась в комнату, Стивена уже не было.

– Молодец, ушел красиво, – пробормотала она, довольная тем, что избавлена от дальнейшего продолжения разговора, а он сумел-таки собрать остатки гордости и уйти первым.

Вернув ключи девушке на ресепшн, Коваль села в машину и завела двигатель. Чувство небывалого облегчения вдруг окутало ее, как уютный плед. Все – не надо больше мотаться по окраинам, не надо видеть вопрос в глазах сына по поводу таких поздних возвращений, не надо обманывать Хохла, который все знает и мучается. Все – свобода.

– На черта мне это было нужно? – пробормотала она, выезжая с парковки. – Ну, вот на черта, раз теперь как камень свалился? Выходит, не так уж хорошо все и было, если после разрыва мне легче дышится? Вот если бы Женька ушел – вряд ли я бы со спокойной миной села за руль и поехала куда-то. Нет, точно спокойствия бы не было. Я бы рыдала, как деревенская баба – мы это уже проходили.

От этих мыслей стало почему-то легче, и она, несмотря на поздний час, повернула в сторону больницы.

Ее долго не хотели впускать, но в конце концов Марине удалось прорваться в палату. Женька не спал, смотрел футбол по телевизору и, увидев на пороге жену, крайне удивился:

– Случилось что?

Она отрицательно покачала головой, закрыла дверь и пошла к нему, на ходу расстегивая пуговицы на длинной белой блузке.

– Сдурела? – поинтересовался смекнувший, чем все закончится, Хохол.

– Ты не рад? – Марина изогнула бровь и замерла в шаге от кровати.

Женька судорожно сглотнул, глядя на обтянутую белым кружевом грудь, на тонкие ключицы, на безупречную молочную кожу.

– А что за праздник?

Она не ответила, подошла вплотную и села на край кровати. Хохол долго бродил рукой по ее телу, как будто вспоминал ощущение от прикосновений к ней. Марина молчала, не мешая ему, только слегка подавалась вперед, следуя за движениями его руки. Ей казалось, что Женька все понял и прочувствовал, потому сейчас так нежен. А ведь по его темпераменту именно сейчас он бы должен рвать на ней одежду и оставлять синяки от каждого прикосновения – так всегда бывало. Он вымещал свою слабость, неумение контролировать ее, невозможность вмешаться и помешать ей. Марина это понимала – она сама сделала его таким и теперь уже жалела, в душе искренне полагая, что, если бы Женька хоть один раз жестко запретил ей, как-то твердо выразил недовольство – ушел бы на какое-то время, прекратил всякое общение, – и она сдалась бы, и сто раз подумала бы, прежде чем заводить очередного любовника. Стоило ему только однажды выдержать самому и не пойти на примирение первым – и все было бы так, как он хотел. Сейчас Марина вдруг четко это поняла – что ей не хочется больше причинять ему боль. И больше никаких стивенов – и кого там еще – в ее жизни не будет, потому что ей невыносимо видеть Хохла страдающим по ее вине. Хватит...

На этот раз принять решение ей оказалось удивительно легко.

– Ты знаешь... а ведь все... – вдруг тихо произнесла Марина, глядя ему в глаза. – Все... Хохол замер на мгновение, а когда смысл сказанного женой дошел до него, внутри все вдруг сладко ухнуло – победа. Победа, которую он не мог одержать долгие годы...

– А говорила – не праздник, – усмехнулся он, притягивая Марину к себе. – Вот скажи – что ты за человек? Ну, ведь за такое убить мало, ты ж от любовника ко мне приехала.

– Было бы лучше, чтобы не приехала? Скажи – исправлю.

– Нет. Ты моя. Ты только моя. А адвоката твоего все равно отделаю.

– Дурак ты, – вздохнула Марина, забираясь к нему под одеяло.

– Дурак, – согласно кивнул Хохол, поглаживая ее грудь, – был бы умный – тебе бы сперва врезал. Но я дурак, поэтому...

Через час она покидала больницу слегка растрепанная, с блуждающей улыбкой и огромными синяками на груди, которые удачно маскировала наглухо застегнутая блузка.

Женька оказался дома через два дня, и за это время Марина успела обзавестись новым юристом. Все-таки не смог Стивен пережить отказа, не смог каждый день встречать бывшую любовницу в офисе. Коваль про себя только укрепилась в мысли о мужской слабости и с удовольствием взяла на работу рекомендованную ей управляющим ресторана молодую женщину, выпускницу Оксфорда с кучей разных степеней и специализацией в области экономического права

«Эта хоть не станет строить мне глазки и пытаться затащить в постель», – хмыкнула Марина, просматривая договор о найме на работу. Кларисса оказалась хорошим специалистом с довольно солидной уже репутацией, и Коваль рассчитывала, что проблем с ней не возникнет.

«Опять же – Хохлу будет спокойнее, – рассуждала она. – Возьми я очередного мужика – и все, он опять будет подозревать, изводиться, ревновать. А ему сейчас это совершенно лишнее».

Нужно было решать что-то с Марьей и ее проблемами, а Марина никак не могла придумать, как поступить. Ясно было одно – ей придется лететь в Сибирь, без ее помощи Мышка не справится. И, следовательно, придется просить Хохла, чтобы дал контакты своего Митрича – у нее самой никого больше не было.

Эта поездка показалась ей даже более приятной, чем все предыдущие – возможно, потому, что едва оправившийся после тяжелого сердечного приступа Хохол не возражал. Дело было даже не в его физическом состоянии – это как раз не внушало ей опасений, а в том, что он сам предложил такой вариант, едва услышал о Марьиных проблемах. Их с Машкой связывала какая-то чуть ли не братско-сестринская дружба, и Женька всерьез считал Марью членом семьи.

– Поезжай, котенок, разрули – она одна не справится, – заговорил он, лежа в постели, и Марина возразила:

– Я не могу бросить тебя сейчас, за тобой нужен уход.

– Ой, ты наухаживаешь, ага! – собрав все свое ехидство, высказался муж, и Коваль даже испытала некую обиду:

– Ну, можно подумать! Я за тобой ухаживала, и не раз, если ты забыл.

Он перехватил ее руку и поднес к щеке:

– Не сердись, котенок, я пошутил. Ты меня не просто выхаживала много раз – ты меня от тюрьмы спасла, от пожизненного. Если бы не ты – трубить бы мне сейчас в «Черном дельфине» – сорок секунд на прием пищи, походка раком и руки за голову.

– Не говори глупостей, – поежилась Марина. – Я никогда бы тебя не бросила.

– Я знаю это, родная. Мы с тобой давно уже настолько близкие, что не разорвать.

И Коваль подумала, что он прав – никто уже не смог бы разделить их с Женькой. Ведь даже ее мимолетный роман в России не сделал их отношения холоднее или хуже, даже этот

никчемный Стивен, с которым Марина закрутила скорее от скуки, нежели по огромной любви. Хохол, конечно, был в ярости, но по прошествии времени, разумеется, простил ее – да и как он мог не сделать этого. Самое страшное, что могло теперь случиться в его жизни, была потеря Марины. Он знал – стоит ей уйти, и все, он одинок, никому не нужен в чужой стране без права когда-то вернуться в Россию. Кроме того, он любил ее. Любил – единственную женщину в своей жизни, ради которой мог пойти на любое безумство. Единственную женщину, способную заставить его сердце биться быстрее, единственную – потому что таких больше не было. Даже сейчас, если бы вдруг ему выпал шанс изменить что-то в прошлом, Хохол, не задумываясь, оставил бы все, что было у него с Коваль – даже самое страшное. Ее измены, ее ранения, свои злые мужские слезы, свою нежность, которую вызывали у него прикосновения к этой безупречной красоте. И даже ее тяжелый характер Женька не изменил бы ни на грамм, потому что тогда это была бы уже не его Марина.

Он не раз говорил ей об этом, не стесняясь выглядеть слабым или сентиментальным, потому что знал – она поймет. Другая не поняла бы, а Марина... Порой Женьке казалось, что она читает его как книгу, с любого места, с любой страницы, открытой наугад. И даже то, что Коваль часто была его именно в слабые места, не делало ее менее желанной и любимой – ей он позволял и прощал все.

– Я обещаю тебе не пользоваться моментом и не заводить шашней на стороне, – серьезно сказала она, поглаживая изуродованную руку мужа, и Хохол фыркнул:

– Вот кто бы о чем сейчас говорил, а ты все об этом!

– Я знаю, что для тебя это важно.

– Важно. Но ты все равно «проотвечаешься», так что давай-ка оставим клятвы, хорошо? Лучше подумаем, как устроить все. Машка сказала что-то конкретное?

Коваль пожала плечами. Смысл Машкиной проблемы сводился к следующему. Ее небольшая, но довольно крепкая строительная фирма часто выполняла работы по заказу администраций районов, и это давало Машке преимущество перед другими подрядчиками во время проведения тендеров. На последний объект она взяла компаньона – какого-то приятеля своего мужа, и тот вложил некую сумму. Машка честно отдавала ему все, что причиталось по договору, до тех пор, пока однажды вечером к ней не подъехали вполне конкретного вида ребята и не заявили, что она должна крупную сумму и отдавать эти деньги будет им. Машка, конечно, возразила, но ей намекнули, что у нее есть дочь, а это, разумеется, явилось самым серьезным аргументом. Однако сумма была неподъемная, и ей дали срок два месяца. Но на этом не кончилось. Ровно через месяц к Машке явились уже другие люди, но с теми же требованиями и ровно на ту же сумму. Машка попыталась сама выяснить, как связаны между собой эти «пришельцы», но оказалось, что это совершенно разные люди из совершенно разных группировок. Это озадачило Машку, и она позвонила Марине, потому что поняла, что сама не выпутается.

Изложив историю Хохлу, Коваль немного приоткрыла окно, закурила и приготовилась слушать мужа. Тот молчал довольно долго, а потом изрек:

– А на кого в принципе сама Марья думает? Ну, кто-то же навел?

– Как ни смешно, она считает, что это жена ее компаньона.

– С чего так?

– А один из этих «наезжалцев» обронил фразу и имя назвал, Машка и вцепилась.

– Тогда вообще непонятно, – Хохол поймал руку Марины с сигаретой и сделал глубокую затяжку, – с чего бабе, которая не при делах, вступать в такие игры и еще втравливать блатных?

– Вот это меня и напрягает, – призналась Коваль, – вот это как раз. Получается, что какая-то баба что-то переуступила этим блатным, раз те без повода приехали и деньги потребовали? А что? Соглашение? Но каким боком она к этому соглашению? Никаким, я точно знаю, что компаньон у Марьи на этом объекте – мужик, значит, отпадает. Тогда – что? Ведь коллекторы

должны что-то иметь на руках, чтобы так наезжать – иначе это беспредел, никто не оценит, а Маня с ее дядюшкой запросто может к смотрящему подойти, и тогда – пардон муа – задница.

– Ну, Машка на такое не пойдет – это раз, про ее родство надо знать – это два, – отмел Женька. – Но ты права – должна быть какая-то бумажка, потому что иначе Машка имела законное право ребят послать, да и никто уже сейчас так дела не делает – это ж наезд чистой воды, иди к ментам и отдыхай в сторонке, пока те разберутся. Выходит, что ей предъявили нечто убойное, против чего Марья возразить уже не смогла.

– Вот поэтому мне и нужен твой Митрич, Женя. И кто-то еще, чтобы помог мне и подстраховал, я там вообще никого не знаю.

– Это сделаем, – кивнул Хохол.

– Отлично. Мне нужно как можно больше информации, имя я дам. Все – чем живет, как и куда ходит-ездит, привычки, склонности...

– Тормози, котенок, – засмеялся Хохол, наблюдая за тем, как жена на глазах становится такой, какой он увидел ее впервые – собранной, четкой в формулировках, жесткой и продуманной Наковальней. – Митрич не хуже тебя понимает, что надо в таком случае. Ты мне имя напиши на листочек, я позвоню. И вот когда Митрич скажет, что подготовил все, тогда и полетишь, виза свежая у тебя.

Это было явное предупреждение – муж узнал, что она снова заказала себе паспорт и получила его, и теперь дал понять, что в курсе.

– Давай не будем это обсуждать, хорошо? – примирительно попросила Марина, забираясь к нему под одеяло. – Я поступлю так, как ты скажешь, дождусь ответа твоего Митрича и только потом полечу.

– Когда ты вот так соглашаешься с моими словами, я начинаю нервничать, – хмыкнул Хохол, – мне все время кажется, что ты задумала что-то и пытаешься усыпить меня якобы покорностью.

– Больно надо напрягаться, – фыркнула она, обнимая рукой огромный торс мужа, – если захочу – не узнаешь и не удержишь, и темнить не стану. Но на этот раз, родной, все чисто. Я действительно считаю, что ты прав и мне стоит прислушаться к твоим словам, вот и все.

– Ох, не верю я тебе, не верю, – вздохнул Женька, целуя Марину в висок. – Но пусть так. Главное, чтобы ты лишний раз на рожон не лезла, а вот этого-то ты и не умеешь.

– Жень, я обещаю – буду осторожна как никогда.

– Не хочешь убедить меня в этом как-то иначе? – чуть севшим голосом поинтересовался Хохол, которого лежащая рядом жена всегда приводила в то состояние, в котором уже больше ни о чем не думается.

– Не усердствовала бы я в твоей ситуации...

– А мы осторожно, котенок... осторожно...

– Ох, Женька... ты, я – и осторожно? Совсем смешно...

Разговор с Митричем Хохол нарочно отложил на то время, когда Марины не будет дома. Он хотел, кроме помощи, попросить Митрича еще и негласно присмотреть за женой, потому что понимал – если Марину выведет из себя какая-то мелочь, она непременно взорвется и натворит дел, а в ее положении это совершенно ни к чему. Но и «легальную» охрану своенравная Коваль не потерпит, а потому оставалось только прибегнуть к хитрости.

Митрич был рад услышать своего давнего спасителя и согласился помочь его жене.

– Ты только это, Митрич... аккуратнее там, хорошо? Она у меня девушка с тяжелым характером, да к тому же – слишком внимательная, если просечет твоих парней – я им не завидую, – предупредил Женька, и старик рассмеялся дребезжащим смехом:

– А ты меня не пугай, Женечка, я уже старый и мало чего боюсь. А чтобы моих пацанчиков срисовать, ей ох как потрудиться придется, тут даже не сомневайся.

«Ну вот мне бы твою уверенность, – про себя вздохнул Хохол, отключая телефон. – Я-то знаю, что Маринка любую слежку сечет за километр, она смолоду такая была, а с годами только усилилось чутье. Но ладно, выхода все равно нет – лучше так, чем никак совсем».

Он очень надеялся, что в этот раз все пройдет гладко и без осложнений, очень уж не хотелось вытаскивать Марину из очередных неприятностей, потому что можно ведь и не успеть. Хохол понимал, что идеально было бы лететь вместе, и тогда вообще проблем не будет, но Марина, разумеется, на этот счет имела свое мнение, сильно отличавшееся от его. Она ни за что не позволит ему, только что вышедшему из больницы после приступа, куда-то лететь и чем-то заниматься. Это, разумеется, плохо, но спорить бесполезно.

То, что произошло назавтра, слегка удивило и озадачило Марину. Утро началось прекрасно – она проснулась раньше Женьки, чмокнула его, сонного, в ухо и ушла вниз. Была суббота, выходной, Грегори не нужно вставать в школу, и Марина решила побаловать своих мужчин завтраком, что делала крайне редко. Выгрузив продукты из холодильника на стол, она пару минут подумала и решила делать горячие бутерброды с семгой и зеленым салатом, маленькие оладьи с вареньем и варить какао – Хохлу теперь кофе был противопоказан, и жена решила поддержать его. Хотя, разумеется, себе быстро сварила чашку крепкого колумбийского и выпила, покуривая сигарету.

Хлопоты с завтраком увлекли Марину настолько, что она даже не заметила, как в кухне появился муж. Увидев развитую женой бурную деятельность, он довольно хмыкнул и, подкравшись, обхватил ее за талию. Марина вскрикнула и едва не уронила тарелку с готовыми бутербродами:

– Да что ж ты делаешь, ирод?!

– Ух ты! – восхитился Хохол, через ее плечо втягивая носом аромат горячего хлеба. – А что за праздник сегодня?

– День идиота! – буркнула Марина, опуская тарелку на барную стойку и поворачиваясь лицом к Женьке, не выпускавшему ее из объятий. – Ну что ты как маленький, в самом-то деле?

Он нежно поцеловал ее в губы, приподнял и усадил на столешницу:

– Я так давно не видел тебя такой домашней, Маринка...

– Посмотрел? Ну и марш тогда в душ и сына будить. Я с оладьями закончу сейчас, и можно завтракать.

Но Хохол был другого мнения. Он обвил ее ноги вокруг своей талии, спустил с плеч шелковый кремовый халат вместе с бретельками рубашки, обнажая грудь.

– Женья, не надо...

– Тсс! Молчи, я быстро...

– Тебе нельзя...

– Молчи, сказал! – Он переместил одну руку ей на горло и чуть сжал пальцы. Коваль замерла, вцепившись пальцами в его плечи. – Вот так... Моя... ты моя... – в такт своим движениям тихо порывивал он ей в ухо, заставляя Марину постанывать и откидываться назад. – Скажи... скажи вслух...

– Да, родной... я твоя... только твоя... навсегда... – чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, прошептала она.

Чуткий Хохол мгновенно понял, что жена на вершине блаженства, еще пара резких мощных движений, и все закончилось. Он поднял Марину со стойки и понес в душ, не слушая вялых возражений Коваль и доводов, что ему «нельзя тяжелое». Стоя под прохладными струями, он водил пенной мочалкой по ее телу и чувствовал себя самым счастливым человеком. Ему принадлежала лучшая женщина на свете.

– Вы чего закрылись там? – раздался за дверью голос Грегори. – Вся кухня в дыму, что-то сгорело!

Марина словно очнулась от сна:

– Оладьи!!!

Хохол захохотал, выпуская ее из душевой кабины и наблюдая, как она наскоро заматывает полотенцем волосы и старается попасть руками в рукава махрового халата.

– Грег, выключи блинницу! Я сейчас...

Спасти завтрак все же удалось, хотя пришлось перенести трапезу в гостиную – настолько задымлена оказалась кухня. Но Марина допекла оставшиеся оладьи, с помощью Грега накрыла на стол, и они как-то уютно и весело позавтракали. Сын вызвался убрать со стола и помыть посуду, и Марина с Женькой, переглянувшись, сделали вид, что не удивились предложению. И вот в этот момент семейная идиллия была нарушена телефонным звонком.

Марина со стоном взяла трубку и, увидев, кто звонит, вообще вышла из себя.

– Привет, дорогая, – полился из трубки голосок Ветки. – Сюрприз! Через полчаса я выле-таю к тебе, встречай, я одна, без Лешки.

– Черт тебя возьми, Ветка! – разозлилась Марина, заметив, как при упоминании имени подруги напряглось лицо Хохла. – Ты отлично знаешь, что я не люблю такие сюрпризы! У меня могут быть свои планы, тебе так не кажется? И еще я просто могу не приехать и не встретить тебя – тусуйся, где хочешь!

– О, не кричи, дорогая, – со смехом перебила Ветка. – И встретишь, и приедешь, и планов нет. Так что жду тебя в Хитроу.

Марина не успела ничего больше сказать, даже не успела спросить, откуда она летит – Ветка бросила трубку.

– Сука... – пробормотала Коваль, сунув телефон в карман. – Что ты так смотришь на меня? – поинтересовалась у мужа, напряженно следившего за ней мрачным взглядом.

– Какого хрена ей надо?

– Не представляю. Летит через тридцать минут, а я даже не представляю, откуда и каким рейсом. И это значит, что надо немедленно выезжать – пока доберусь...

– И помело не сломается же... – пробурчал Хохол, раздосадованный не меньше Марины. – Предупреждаю – даже не пробуй с ней ничего...

– Так, ну-ка, рот свой закрой! – предостерегающе заявила она, остановившись возле кресла и глядя Хохлу в глаза. – Я устала от твоих намеков, ясно? Еще слово услышу – и все время, что она пробудет здесь, я проведу в ее постели, так и знай.

Оттолкнувшись от подлокотников, Марина ушла, а Хохол так и остался сидеть в кресле. Он терпеть не мог Виолу – «потомственную ведьму» и редкую, по его понятиям, сучку, с которой долгое время у Марины был легкий роман и весьма страстный секс. Эта связь оказалась самой продолжительной из всех, что когда-либо заводила Коваль. Ни к одному мужчине не ревновал Хохол так бешено, как к этой голубоглазой миниатюрной кукле с фарфоровым лицом, которым та, кстати, была обязана Коваль. Разъяренный любовник Серега Строгач однажды на глазах Марины приложил Ветку щекой к раскаленной спирали обогревателя, спалив той половину лица почти до костей, и только старания швейцарских хирургов-пластиков, оплаченные Коваль, вернули Ветке красоту и возможность без содроганий смотреться в зеркало.

Ветка пару раз тоже выручала Марину, но даже это не помешало ей однажды крепко ее подставить – именно благодаря ей Мишка Ворон теперь знал, что Наковальня жива, а не лежит в могиле рядом с мужем, как было принято считать. Женька удивлялся, как нетерпимая к подобным фортелям жена смогла спустя какое-то время продолжить общаться с ведьмой. Марина ничего не объясняла и не отвечала на задаваемые вопросы, и Хохол знал – не скажет, пока сама не решит.

Сейчас Виола вместе с мужем, Гришкой Бесом, и сыном Лешей жила где-то в Европе, но где именно – никогда не говорила. Бес скрывался от конкурента, а Виола просто находилась

рядом. Особой любви у них не было, скорее привычка и множество совместных тайн, разглашение которых каждому ничего хорошего не сулило. Кроме того, Бес отчаянно боялся жену – та при помощи гипноза умела вытащить что угодно из любой головы и вложить туда то, что ей было выгодно. Словом, сладкая парочка стояла друг друга, тяготилась совместной жизнью и никак не могла расстаться.

Но что нужно Ветке здесь, в Бристоле? Этот вопрос донимал Хохла все время, пока он прислушивался к шагам жены наверху в спальне. Появление ведьмы показалось ему дурным знаком перед предстоявшей Марине поездкой. Да и ему самому теперь придется все время быть начеку и не дать Ветке возможности порыться в его голове. Коваль умела противостоять навыкам подруги, хотя это всегда стоило ей невероятных усилий, сопровождавшихся потом чудовищными мигренями. Ветка, все-таки побаивавшаяся гнева Марины, практически не рисковала проникать в ее мысли, а вот с Хохлом выделявала такие фокусы походя, даже не напрягаясь особо.

Мрачно грызя ноготь большого пальца, Хохол ждал появления жены. Разумеется, остановить ее он не сможет, да и бесполезно – если не с Мариной, то на такси Ветка все равно сюда приедет. И ему нужно принять это и постараться не раздражать жену, поскольку та и так на взводе. Она действительно не любила таких сюрпризов, как «снег на голову», и Ветка, отлично это зная, все-таки летит именно таким образом, без предупреждения. Вариантов два – или у нее что-то случилось и ей для решения проблемы необходима Коваль, что, разумеется, плохо, или ей просто захотелось развеяться, что тоже не совсем хорошо и вовремя.

Марина спустилась уже одетая, в кожаных брюках, в трикотажной майке, явно натянутой на голое тело, в высоких сапогах без каблука, которые надевала только для езды за рулем.

– Ты бы лег, а? – на ходу попросила она вышедшего в просторную прихожую мужа. – С утра топчешься, да еще и зарядку такую провернул.

– Уедешь – лягу, – по-прежнему мрачно пообещал Хохол.

Коваль подошла к нему, встала на цыпочки, закинула руки на шею и поцеловала:

– Ну, что ты такой мрачный? Все хорошо... я очень люблю тебя, Джек...

– Джека ты очень любишь, я знаю, – хмыкнул он, приподнимая ее над полом, – а мне надо, чтобы ты любила меня – любого.

– А я и люблю тебя любого, – серьезно заверила Марина, водя носом по его щеке. – Мне неважно, как тебя зовут, понимаешь? Ты – мой, и я тебя люблю. Ты знай это, пожалуйста. И верь мне.

Последняя фраза насторожила, но Хохол решил не заострять внимание и не устраивать сцену перед тем, как Марина сядет за руль. Она и так не особенно любила водить здесь машину, а если занервничает, то может что-нибудь этакое учудить.

Он помог ей надеть куртку, подал перчатки и ключи от джипа:

– Мы с Грегом ужин приготовим.

– Не смей! – категорически заявила Марина, застегивая куртку. – Тебе нельзя много двигаться, ты сегодня свое уже отшевелился. Так что ложись и лежи, а я разберусь и с обедом, и с ужином. Я серьезно, Джек!

– Да понял, понял...

Коваль на всякий случай погрозила ему кулаком и закрыла за собой дверь. Хохол тяжело вздохнул и поплелся в спальню, вдруг почувствовав странную слабость в ногах.

Она вела машину по трассе в сторону Лондона и ловила себя на том, что нервничает. Раньше, когда она ездила встречать Ветку, такого чувства не возникало, а сегодня всю дорогу ощущала странное состояние, когда подрагивают пальцы, сжимающие руль, а внутри неприятный холодок и беспокойство. «Зачем она прилетела, почему не предупредила? Ведь знает, что я ненавижу такие сюрпризы, да меня, в конце концов, просто могло не оказаться в Англии.

Мы могли улететь на Кипр, в Черногорию – да куда угодно!» Мысли тоже нервировали, и Марина включила радио, найдя музыкальную волну и выкрутив ручку громкости до отказа. Салон заполнился музыкой, и Коваль почувствовала, что ее немного отпустило. Нужно было сосредоточиться и продумать линию поведения с подружкой. Но сперва нужно все-таки попытаться выяснить причину, по которой Ветка вдруг заявила в Англию. «Что ей нужно от меня? Бес отлично знает, где меня искать, это плохо, конечно, но не смертельно – я в состоянии противостоять родственничку. Да, те бумаги, что лежат у меня в сейфе, сейчас, когда он уже не мэр и вообще в бегах, мало что меняют, но на хороший скандал их вполне хватит. Как хватит и информации о том, что он жив-здоров, для тех, от кого он прячется. И я даже понимаю, что при правильном подходе Мишка Ворон мне поможет и не заставит светиться. Но вот к чему Ветка сюда летит, к чему?! Что ей надо? Неужели Гришка опять какую-то хитрушку задумал и решил с Веткиной помощью реализовать? Не думаю, что Ветка стала бы ему в этом помогать. Тогда – что? Есть, конечно, вариант, что она что-то узнала и теперь хочет со мной поделиться, но призрачный совсем. Она и против мужа не поперет – не дура же. Хотя Бес может и не знать, куда она улетела...»

Бросив взгляд на спидометр, Марина ахнула, поняв, что сильно нарушила скоростной режим и явно уже попала под прицел пары камер видеонаблюдения. Придут штрафы, Хохол будет орать – она обещала ему не гонять...

Сбросив скорость, она вполголоса выругалась, но поехала в дозволенном режиме. «Я совсем разучилась ездить, чувствую себя за рулем как стажер со сроком вождения в три месяца», – раздраженно думала Марина, вглядываясь вперед. Все-таки эта страна никак не подходила ей по темпераменту, и с каждым годом Коваль ощущала это все острее.

– Как же я хочу оказаться дома, хоть на час, просто воздуха вдохнуть, – пробормотала она, обгоняя еле плетущийся автобус, – нормально проехать на машине с нормальным движением, а не чувствовать себя вылетевшей на встречу! Как же меня все тут задолбало!

Мысли ее переключились на предстоящую поездку. Каким-то шестым чувством Марина поняла, что думать об этом при Ветке нужно осторожнее – кто знает, что на уме у ведьмы, любившей все и про всех знать. А вот это как раз Коваль хотела скрыть от подружки – чем меньше народа «в теме», тем проще. «Мне бы только Машку вывести из этой непонятной ситуации, больше-то там и делать нечего. Ну, отдохну, развеюсь, узнаю, что у Ворона стряслось, – и домой. Женька еще не совсем здоров, ему лежать надо, отдыхать и не нервничать, а если меня не будет рядом, то он, разумеется, начнет себя изводить подозрениями и беспокойством».

Вычислить, каким рейсом и откуда прилетела Ветка, Марина не смогла. Список был длинным, самолеты садились с минимальным промежутком, и она проследила момент, когда Ветка с чемоданом появилась из зоны прилета. Коваль испытала легкую досаду – не любила, когда что-то шло не по ее плану. Виола выпустила из руки ручку чемодана и кинулась ей навстречу. Обнявшись, они постояли пару секунд, и потом Марина, отстранив от себя подружку, пристально вгляделась в ее лицо:

– Как перелет?

– Не утомил, – показав кончик языка, шаловливо отпарировала Ветка. – Ты одна?

– Ну а с кем? Генка стал фанатом единоборств – из зала не вытащишь, Грег сегодня не учится, так дома остался, с Хохлом. Тому лишняя движуха сейчас противопоказана.

– Сердечко не выдержало? – сочувственно спросила ведьма, и Марина не сразу смогла вспомнить, упоминала ли в телефонном разговоре Женькин инфаркт. Когда же поняла, что просто не успела – так скоростно Ветка бросила трубку, – ей стало не по себе.

– С чего взяла? – поинтересовалась она враждебно, чувствуя острое желание закурить и врезать подружке по лицу.

– Да так... – пробормотала та, пряча глаза. – Ну, идем, что ли? Торчим тут...

– А что – не терпится Хохла увидеть? Думаешь что-то новое от него узнать? – не двигаясь с места, спросила Марина.

– Ну, Мэриэнн, что ты, в самом деле? – примирительно заговорила Ветка, мгновенно уловив напряжение подруги и переводя разговор в другое русло. – Я приехала в гости, соскучилась, а ты сразу с подозрениями... Что – я не могу к крестнику приехать?

– Какой он крестник тебе? Ты в церковь сроду не заходила.

– Что, так и будем это обсуждать посреди аэропорта? – начала терять терпение Ветка.

– Ты будешь обсуждать то, что я скажу, там, где я захочу! – отрезала Коваль. – Я просила тебя – никогда вот так не сваливайся, у меня могут быть какие-то свои планы, в которые ты никак не вступишь! Но ты все равно сделала так, как хочешь. Поэтому будешь теперь вести себя так, как я скажу. Иначе – стойки всех авиакомпаний – во-о-он там, – она махнула рукой куда-то себе за спину. – Берешь билет и отваливаешь. Уяснила?

Ветка сникла и согласно кивнула. Она много лет знала Марину и прекрасно чувствовала, когда нужно отступить и только кивать головой в знак согласия, чтобы не стало хуже. Она подхватила чемодан и просительно заглянула в глаза подруги:

– Мэриэнн... может, все-таки по дороге поговорим? Я устала...

– А я за не фиг делать прогулялась сюда за рулем – и ничего! Шевели ногами, парковка платная!

Марина повернулась на каблучке сапога и пошла к выходу. Ветка, вздохнув, побрела за ней.

Сев за руль, Марина почувствовала себя внезапно очень уставшей. Нервное напряжение никогда не шло на пользу, начинала болеть голова, а руки подрагивали. Перед дальней дорогой до дома это было не совсем то, что нужно. Она закурила, наблюдая в зеркало заднего вида, как Ветка укладывает в багажник чемодан. Изнутри снова начало подниматься раздражение – Марина чувствовала, что подруга не договаривает, да что там – просто не говорит ничего, и это злило. Когда Ветка села наконец в машину, Марина выбросила окурок, выехала с парковки и, отъехав от аэропорта в молчании, припарковалась у небольшого кафе. Заглушив двигатель, она повернулась к удивленно поднявшей брови Ветке:

– Ну что – поговорим?

– О чем?

– Хватит дурочку строить из себя, – устало попросила Коваль, – ты ведь прекрасно понимаешь, что я имею в виду. И вот клянусь – я не тронусь с этой парковки до тех пор, пока не выясню истинную причину твоего внезапного приезда. Лучше рассказывай, Ветка, иначе мы здесь надолго.

Ветка закатила глаза:

– Господи, ничего не меняется! Ты как была подозрительной истеричкой, так ею и осталась. Пойдем хотя бы в кафе – ну, не в машине же нам разговаривать?

– А чем тебя не устраивает машина? Или надеешься за то время, пока несут заказ, успеть придумать что-то правдоподобное?

– Да прекрати ты это! – взвилась Ветка. – Расскажу я тебе все, дай хоть кофе выпить!

Марина вышла из машины и направилась к кафе, даже не потрудившись убедиться, что Ветка следует за ней. На крыльце она повернулась, нажала кнопку сигнализации на брелке и толкнула дверь. В этом кафе они всякий раз пили кофе, когда Ветка прилетала в Англию, это стало чем-то вроде традиции, но сегодня Марине это место не казалось таким же уютным, как раньше. Все раздражало – и красно-белые клетчатые скатерти, и живые цветы в вазочках, и запах свежей выпечки, и улыбчивая семейная пара – хозяева. «Нет, надо взять себя в руки – люди-то не виноваты в моих проблемах, – думала она, механически оскалившись в ответ на

приветственные улыбки хозяев. – Мне становится все сложнее контролировать собственные эмоции, это плохо».

– Мэриэнн, – начала Ветка, раскуривая свою тонкую сигарку, – ты напрасно ищешь подвох в моем приезде. У меня только одна цель – я хочу тебя предупредить об опасности.

– Ишь ты, – насмешливо протянула Коваль, – прямо голубь мира!

– Не иронизируй, пожалуйста. Не так давно у меня был серьезный разговор с Гришкой...

– Ой, Ветка, я тебя умоляю! – поморщилась Марина, вертя в пальцах выдернутый из плетеной корзинки пакетик сахара. – Я что – первый день знаю тебя? Все твои так называемые «серьезные разговоры» с Бесом происходят в одном режиме – ты поишь его какой-то дрянью и потом, введя в транс, задаешь те вопросы, ответы на которые хочешь получить. Так что не надо мне сейчас сказок, хорошо?

– Ладно, ладно! – Ведьма раздраженно выдохнула дым, уронила столбик пепла в пепельницу и продолжила: – Да, пусть так. Ему кто-то позвонил, и Гришка сделался прямо параноиком – бегал по дому, орал, матерился. Я почувствовала, что произошло нечто, о чем он мне добровольно не скажет, ну, вечером и пообщалась с его подсознанием. Так вот, дорогая. Гришка хочет тебя убраться.

– Вот ты мне сейчас новость сообщила – прямо «Таймс» отдыхает! – усмехнулась Марина. – Твой дорогой супруг пытается сделать это так давно, что мне уже даже интересно – получится ли у него.

– Мэриэнн, я не шучу! – почти взвизгнула Ветка, и Коваль насторожилась – видимо, все действительно не совсем так, как она себе это представляет, раз ведьма так дергается. – Он разговаривал с кем-то, кто обещал ему помочь вернуться и даже снова занять прежний пост, но в обмен потребовал устранить Ворона и всех, кто что-то знает о скандале с пропавшими бумагами Гришки – с теми, где все «откаты» и прочая денежная ерунда!

– О моем участии в этом деле знали трое – Ворон, Бес и ты, – Марина уставилась в глаза подруги, и та, поборовшись пару секунд, опустила взгляд на стол.

– Еще знал Хохол, – прошептала она, и вот тут Марина просто взвилась, вскочила из-за стола:

– Хохол?! – не понимая, что кричит по-русски, привлекая к себе внимание немногочисленных посетителей и хозяев кафе, рывкнула она. – Хохол, говоришь?! А соображаешь вообще, что лепишь-то?!

– А ты так слепо ему веришь? – тихо проговорила Ветка, не поднимая глаз.

– Да! Ему – как себе! Как себе, понимаешь ты это, бестолковая?! Только он ни разу – слышишь ты – ни разу меня не продал и не предал!

– Мэриэнн, сядь и сбавь тон, – попросила ведьма, не поднимая глаз, – и ради бога – прекрати орать по-русски, на нас все смотрят.

Коваль опомнилась – действительно, у разговора появилось несколько слушателей, с любопытством наблюдавших за стройной высокой блондинкой, говорившей на непонятном языке. Мило улыбнувшись, она громко пробормотала извинения и села.

– Не смей никогда обвинять Хохла в том, чего он не делал, – держа наклеенную улыбку, процедила она сквозь зубы, – иначе я тебя убью. Он никогда не сделает ничего во вред мне, а уж если дело касается твоего мужа – то тут у него железный принцип – Бес виновен уже тем, что посмел поднять руку на моего сына. Ты знаешь эту историю не хуже меня, дорогая.

– Знаю, – вздохнула Ветка, – но ведь и ты знаешь, что я никогда не поддерживала его в этом. Ты не можешь думать, что я заодно с ним.

– Да хоть за два – мне это безразлично. Меня бесят твои подозрения в адрес Хохла, понятно? И не переводы разговор.

– Я не перевожу. – Ветка умолкла – к ним подошла официантка и принялась расставлять на столе кофейные чашки, спиртовку с большой джезвой, над которой поднимался пар и аромат

крепкого кофе, плетенку со свежими булочками, вазочку с апельсиновым джемом и маленькие пиалки. Дождавшись, когда девушка отойдет, она продолжила: – Не перевожу я ничего. Но на твоём месте не стала бы сбрасывать со счетов такую персону, как твой муженек.

– Ты начинаешь испытывать мое терпение.

– Хорошо, пусть. Но на меня тогда тоже не грехи – мне хватило одного предупреждения, я не желаю разделить участь кошки из анекдота.

– Очень на это рассчитываю, – фыркнула Марина, намазывая джемом булочку.

– Если ты собираешься ехать в Россию, то сейчас неудачный момент.

Сказав это, Ветка умолкла и принялась за выпечку и кофе. Коваль похолодела – значит, Ветка все-таки ухитрилась каким-то образом пронюхать о предстоящей поездке, и именно это заставило ее прилететь сюда. Марина понимала – не поехать и не помочь Машке она не может, потом ни за что не простит себе, если с Марьей или ее дочерью что-то случится. Да и вряд ли кто-то будет искать ее в Сибири. А вот визит к Ворону явно ставил под угрозу ее собственную жизнь. И вот здесь нужно крепко подумать и сто раз все взвесить. Но самое главное – не ставить в известность об очередной Гришкиной пакости Хохла. Тот либо запретит ей ехать, либо заявит, что поедет с ней, а ни тот, ни другой вариант Марину не устраивал.

– Слушай, Ветка, – медленно заговорила она, уставившись в лицо подруги, – ни при каких условиях Женька не должен узнать о том, что ты мне рассказала. Понимаешь? Ни при каких – даже если он тебя бить начнет.

– Э, нет! – улыбнулась ведьма. – Не тяни меня в свою компанию, я хохловских побоев не вынесу.

– Я предупредила.

– Да понятно все... Только вот ты сама что делать собираешься?

– А разберусь по ходу пьесы. Все, допивай кофе, а то еще дорога не близкая. Не люблю по темноте ездить.

Хохол, в отличие от жены, не смог справиться с собой и сделать радостное лицо при виде появившейся на пороге дома гостьи. Марина за Веткиной спиной делала круглые глаза и грозила ему кулаком, призывая не обострять ситуацию, но Женька не мог удержать рвущееся изнутри чувства. Приезд Ветки нарушил его планы провести с женой время до отъезда в Россию, и скрывать это он не собирался. В ответ на приветственно раскинутые Веткой руки он хмыкнул, недобро сверкнул серыми глазищами и процедил:

– Сто лет мечтал тебя увидеть!

– Мечты сбываются, дорогой, ты не знал? – проглотила обиду ведьма.

– Некоторым мечтам лучше бы так и остаться неисполненными, – буркнул он, – ну, не стой, проходи, раз уж нет возможности обратно тебя отправить.

– Гостеприимный ты, Джек! – фыркнула Ветка, сбрасывая шубку. – Ничего, потерпи, я ненадолго.

– Надеюсь! – бросил Хохол, помогая Марине стянуть сапоги.

Коваль легонько стукнула его по спине, но он только мотнул головой и сразу ушел в спальню, сославшись на недомогание. Грегори же, спустившийся из своей комнаты на звук голосов, напротив, радостно повис на шее Ветки:

– Ты давно у нас не была! А почему Алешку не привезла, мне бы веселее было?

– Он не очень здоров, Грегори, – обнимая мальчика, проговорила Ветка, – ему трудно было бы так долго лететь, а потом еще и на машине ехать.

– В Англии хорошие врачи, – серьезно и авторитетно заявил Грег, – они бы его вылечили. Маму вон вылечили, а ведь она совсем была больная, когда мы сюда приехали.

– А ты помнишь, как вы приехали? – удивленно спросила ведьма, чуть отстраняя ребенка от себя. – Ты ж совсем был маленький, только говорить начал.

– Я не все помню, но то, как мама все время в постели лежала, помню, – вздохнул он. – А потом она поправилась, и мы стали вместе везде ходить. И Алешу твоего врачи бы тоже могли вылечить.

– Нет, Грег, Алешу не могут вылечить врачи, даже такие хорошие, как здесь, – смахнув с ресниц набежавшие слезы, проговорила Ветка. – Я бы все отдала, чтобы он был таким, как ты... Но это невозможно.

– Жалко, – Грег погрузился, – а то мы бы с ним здорово время провели, я бы его с одноклассниками познакомил, на тренировки бы с собой брал – я же много тренируюсь, ты знаешь?

– О, ну-ка, пойдем, похвастаешься медалями! – оживилась Ветка. – Мама говорила, что ты просто чемпион?

– Ну... – покраснел мальчик, – мамуля любит преувеличить... Я еще не все выиграл, что мог бы по своему возрасту...

– Все равно молодец. Ну, покажешь медали-то?

Обняв Грега за плечи, Ветка пошла с ним к лестнице. Марина, молча слушавшая этот разговор, в очередной раз удивилась тому, как взросло рассуждает сын. Когда они с Веткой скрылись на втором этаже, она почувствовала, как сковывавшее ее весь день напряжение потихоньку иссякло – как будто с плеч сняли давивший груз.

«Ну ты смотри – я становлюсь человеконенавистницей, – хмыкнула она про себя. – Уже и подругу не могу выносить... Хотя, наверное, не в Ветке дело, а в той информации, что она притащила в клюве. Нет, я не удивилась, всегда знала, что Гришка не остановится, пока не уберет меня. Но почему-то именно сейчас мне не по себе. Не могу предугадать его действия – вот почему. Не могу принять контрмеры – и это меня нервирует. Но хотя бы знаю, что есть чего опасаться, – уже дело».

В кухне Марина обнаружила приготовленный-таки Хохлом ужин – огромный пирог с мясом, легкий салат из семги, крошечных помидорок-черри и нескольких видов салатных листьев, а в духовом шкафу истекал соком запеченный в слоеном тесте кролик.

– Извращенец! – простонала Марина, обозрев количество блюд и, главное, оценив их калорийность.

Сама она могла спокойно и с удовольствием только попробовать это все, ну, разве что вот салат не вызывал нареканий, остальное же потом не дало бы спать без кошмаров. Однако Марина не могла не отметить, что при всей своей неприязни к Ветке Хохол все-таки приготовил то, что та любила. Куда помещается вся эта пища в худеньком и маленьком организме Виолы, Марина не понимала.

На лестнице раздались шаги и залихватистый смех Грегори – они с Веткой направлялись в кухню.

– ...и я тоже папе помогал, – донеслось до Марины, – он меня учил правильно кролика в тесто заворачивать. А салат я сам сделал, я такой давно умею, это просто и быстро, а мама его очень любит.

– Да ты уже совсем мужчина, Грег, – ответила Ветка, входя следом за мальчиком в кухню, – и то, что ты готовить учишься, просто здорово. Твоей девушке явно это понравится.

По тому, как смущенно замолк и покраснел сын, Марина поняла – Ветка попала в точку, и не исключено, что всю эту возню с готовкой Грег затеял как раз ради Анетт Каллистер, отец которой был очень известным в городе шеф-поваром лучшего ресторана. Сын как-то обмолвился, что Анетт считает своего папу лучшим примером того, каким должен быть мужчина. «Растет, – с любовью глядя на то, как сын отодвигает тяжелый стул и помогает Ветке сесть, подумала она. – Так и не замечу, как он станет совсем взрослым».

– Мама, мы тут поужинаем, да? – предложил Грегори, открывая посудный шкаф. – Чтобы из гостинной потом посуду сюда не носить?

– Как скажешь, – отозвалась Марина, – сегодня, как я понимаю, ты у нас по кухне распоряжаешься, и мы любое твоё решение выполним.

– Пойду папу позову, – расставив на столе тарелки, разложив ножи, вилки и салфетки, сказал сын.

– Да, давай.

Мальчик, подпрыгивая на одной ноге, выскочил из кухни. Ветка, проводив его грустным взглядом, пробормотала:

– Счастливая ты, Маринка.

– Да, повезло, – насмешливо откликнулась Коваль.

– Нет, я не в глобальном... я о том, что вот пацан здоровый, нормальный, рассуждает, как по книжке читает, стремится к чему-то...

Марина обошла стол и обняла спрятавшую лицо в ладонях подругу:

– Вета, не надо. У каждого свой крест, видимо. У тебя вот – Алеша... Но разве ты его меньше любишь, чем если бы он был здоров? Ведь нет же – наверняка не меньше, а то и больше, потому что его жаль. В конце концов, ты просто подумай – а если бы вы его не усыновили? Как бы он жил? Да уже и не жил бы, скорее всего, кому в детдоме-то с ним так заниматься, как ты это делаешь?

– Я плохая мать, Маринка, – всхлипнула Виола.

– Ой, а что такое – хорошая мать? Я вот – хорошая, что ли? Где критерий? Кто его видел? Да никто! Ты делаешь для Алеши больше того, что смог бы человек, мне так кажется. И благодаря тебе он жив и растёт, развивается. Да, он никогда не сможет бегать наравне с Грегом, например, но ведь он у тебя всё умеет – и читает, и даже стихи сочиняет! Так что ты тут богато гневишь? Алешка поднялся над своей болезнью, он может то, что никогда не смогут те, в кого так душой не вкладываются, как ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.